

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящим сборником Отдел славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН и Староладожская археологическая экспедиция ИИМК РАН начинают публикацию нового серийного издания, посвященного актуальным историко-культурным проблемам эпохи русского средневековья. Направление научных изысканий, проводимых коллективом авторов, в общем виде мы сформулируем так: «Ладога и Ладожская земля в эпоху раннего средневековья. Славяне, скандинавы, финны. Процессы международной культурной и торговой интеграции». Обозначенная тема рассчитана на три года (2006—2008) и утверждена Отделением историко-филологических наук РАН в рамках программы «Русская культура в мировой истории».

Изучение связей Ладоги и ее земли опирается на фундаментальные культурно-археологические ценности первых веков российской государственности. Как показали результаты многолетних археологических раскопок, Ладога возникла не позднее 753 г. Новейшие исследования дают серьезные основания удревить эту дату как минимум на половину столетия, если не более, так что Ладога предстает перед нами как один из первых, если не древнейший город Древней Руси. Вокруг города существовала округа — Ладожская волость. Однако сформировавшаяся в эпоху раннего средневековья Ладожская земля — это не только ближайшая городская округа, но и значительные пространства от Онежского озера на востоке до Нарвы и Великой на западе. Фактически Ладожская земля стала предшественницей средневековой Новгородской земли.

На карте Восточной Европы Поволховье с Ладогой образуют важный торговый регион, в котором сходятся два великих водных пути — «из варяг в арабы» по Волге и «из варяг в греки» по Днепру. Здесь разворачивалась небывалая до того времени торговоремесленная деятельность, которая привела к бурному развитию экономики и образованию прочного культурного, хозяйственного и человеческого моста, объединившего Восток и Запад и, в конечном счете, способствовавшего формированию древнерусской государственности.

Характер имеющихся в распоряжении исследователей источников допускает самые широкие и, надо сказать, нетривиальные исследовательские подходы к решению большинства существующих

ющих научных проблем. В предлагаемом издании помещены статьи сотрудников Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН по отдельным вопросам избранного направления научных изысканий. Сборник открывает статья *А.Н. Кирпичникова*, посвященная Великому волжскому пути эпохи раннего средневековья и месту на этом пути ладожско-волховского севера Руси. В статье *О.И. Богуславского* детально исследованы вопросы соотношения территории юго-восточное Приладожья и средневековой Ладожской земли. *К.А. Михайлов* рассматривает открытые раскопками разных лет элитарные могилы Старой Ладоги на фоне погребальных традиций эпохи викингов. *А.В. Курбатов*, много лет плодотворно изучающий кожевенно-обувное ремесло эпохи русского средневековья, анализирует по материалам кожевенного ремесла связи Поволжья с регионами Балтийского моря в VIII–XI вв. В статье *П.Е. Сорокина* рассмотрены источники по истории судоходства в эпоху раннего средневековья и новое время в районе неевского устья. Завершает сборник статья *С.В. Белецкого*, посвященная материалам археологических раскопок двух ключевых памятников конца I тысячелетия н.э. на западном рубеже «Руси Рюрика» — Труворова городища и Пскова.

Завершая предисловие к сборнику, считаю своей приятной обязанностью поблагодарить Отделение историко-филологических наук РАН, при финансовой поддержке которого был подготовлен настоящий сборник, а также издательство «Нестор-История» за оперативное и качественно осуществленное издание этого сборника.

ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ И ЛАДОЖСКО-ВОЛХОВСКИЙ СЕВЕР РУСИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В истории народов Европы и Азии Великий волжский путь в эпоху средневековья приобрел выдающееся геополитическое, культурное, транспортно-торговое, международное и межгосударственное значение. Использование этого пути повлияло на ускорение социальных и хозяйственных процессов многих стран и регионов, способствовало созданию единого наднационального экономического пространства в масштабах значительной части Евразии. Великий волжский путь (далее ВВП) сыграл особую роль в развитии славянских, финно-угорских, тюркских и скандинавских народов. В последней четверти I тыс. н. э. значение волжского пути возросло настолько, что он стал основной дорогой, соединившей Европу и Азию. На то были веские причины.

Протяженность Волги, самой большой реки Восточной Европы и одной из величайших рек в мире, 3531 км. Она протекает по Русской равнине от Валдайской возвышенности до Прикаспийской низменности, минуя зоны леса, лесостепи, степи. ВВП, каким он функционировал в последней четверти I тыс. н. э., можно представить состоящим из нескольких отрезков. Основу, естественно, составляла сама Волга, к ней тяготели реки, а также водные и сухопутные трассы, представлявшие ее транспортное продолжение.

Северная часть ВВП частью располагалась за его пределами. Это Северное и Балтийское моря, Финский залив, река Нева, Ладожское озеро, река Волхов, озеро Ильмень. Далее кратчайшим и удобным (даже с учетом волоков) переходом к истоку Волги был «селигерский путь» по рекам Поле, Явони до озера Селигер и по реке Селижаровке с выходом на Волгу. Дальнейшее передвижение, что можно отнести к основной части пути, происходило по главной реке вплоть до ее устья. Южный участок плавания включал Каспийское море до его южного побережья (например, до области Джурджан — см. Заходер 1962). Далее шла сухопутная дорога до города Рея или дальше до Багдада. Наибольшая часть водного пути

приходилась на пространство Восточной Европы. Путешественникам приходилось преодолевать волоки, а на реках Неве и Волхове — пороги.

Караванное движение кораблей из района Балтики (например, от Бирки) до района Каспия (допустим, до Дербента) с учетом, что расстояние составляло около 5500 км, могло занять 2 месяца и несколько месяцев на обратный путь. Иными словами, парусно-весельные суда одной флотилии могли осуществить полную поездку в лучшем случае раз в год. Среди водных дорог Русской равнины волжский путь с его системными ответвлениями относится к наиболее разветвленному и значительному, а его стержневое направление по отношению Запад-Восток — магистральным.

Исторически Волга являлась как бы осью, вокруг которой в разные времена группировались разные народы, включая славян, финно-угров, тюрков. Эти люди исповедовали разную веру: были язычниками, христианами, иудеями, мусульманами, что не мешало им вступать в длительные деловые контакты и договариваться между собой. В истории мировой цивилизации то был едва ли не самый редкий период всеохватывающей веротерпимости и межэтнической уживаемости коллективов, объединенных торговой необходимостью.

В системе волжского пути возникло большинство раннесредневековых городов и торговых факторий. Эти населенные пункты не обязательно находились на берегах морей, рек и озер, некоторые строились в глубине территорий в целях большей безопасности и более удобной связи с сельскохозяйственной или сырьевой округой. Поселения той эпохи по преимуществу были многофункциональными: одновременно являлись административными, военными, ремесленными, религиозными центрами, сосредоточием ремесленников и международной торговли.

Среди городских образований в системе ВВП выделялись ключевые города-лидеры своих территорий, располагавшиеся на определенных отрезках торговых магистралей. Что касается восточноевропейских населенных пунктов (в большинстве IX–X вв.), относящихся к системе ВВП, то следует назвать Ладогу в нижнем течении р. Волхов, предшественника Новгорода — Рюриково городище в истоке упомянутой реки. Далее, вниз по течению Волги — археологические комплексы Тимерево, Петровское и Михайловское, давшие начало Ярославлю. С Волгой в определенной мере связаны раннесредневековые центры Залесской земли: Сарское городище — предшественник Ростова, Суздаль, Клешин — предше-

ственник Переяславля-Залесского. Отметим далее Муром на Оке. На средней Волге находились поселение, предшествующее Казани, Булгар, также Биляр, Сувар, Ощель. В дельте Волги помещалась столица Хазарии Итиль (Заходер 1962).

Население торговых городов включало, как правило, титульный, коренной этнос и приезжих «гостей», состав которых мог меняться в связи с сезонностью торговли. В пору расцвета волжской торговли в ней, по словам восточных авторов, принимали непосредственное участие русы, болгары, бургасы, хазары, арабы, евреи и через перекупщиков северные вису и югра. Этот перечень не полон, но при этом уверенно выделяются главные деловые партнеры: русы, болгары и хазары. Эти люди в интересах торговли образовывали свои клановые, иногда разноплеменные купеческие сообщества. Их ячейкой была флотилия судов для дальней торговли.

Различие национальных, культурных, хозяйственных и географических условий не препятствовало городским общинам околобалтийской и Восточной Европы интегрироваться в своеобразное торгово-экономическое сообщество, объединенное интересами международной судоходной коммерции. Все это происходило нередко без вмешательства государств и их институтов на основе частного предпринимательства.

«Товарная интеграция» Евразии, сблизившая естественно-географические районы разделения труда, в последней четверти I тыс. н. э. проявилась на стандартизации производства определенных популярных изделий в странах и регионах не только близких, но и достаточно далеко отстоящих друг от друга. В обиход вошли однотипные стеклянные, сердоликовые, хрустальные бусы, привески и бусы из янтаря, костяные гребни, некоторые украшения из бронзы, гиры и весы для взвешивания монет, общеевропейские по форме мечи, боевые топоры-чеканы, отчасти наконечники копий и стрел, также кольчуги, сходные по форме щиты и булавы, «восточные» наборные воинские пояса. Распространились высокие шапки, подбитые мехом одежды, возможно, использовались одинаковые по устройству корабли. Наряду с этнически нейтрально украшенными вещами, употреблялись украшения, оружие и бытовые изделия, имевшие местные черты. В итоге на евразийском пространстве укоренились как бы две культуры: международная элитная, дружинно-купеческая, и местная простонародная, по преимуществу бытовая.

Государства, возникшие в зоне ВВП, способствовали его интенсивному функционированию. Их роль в этом отношении еще недооценена. Прежде всего речь идет о Хазарии (650–965 гг.). Столица

хазар Итиль являлась крупнейшим в Восточной Европе торговым и таможенным городом, в котором в отдельных кварталах жили выходцы из разных стран, включая и славян.

Мощное развитие, начиная с конца IX в., получила Волжская Булгария, образовавшаяся в Среднем Поволжье. В середине X в. она стала независимой от Хазарии и унаследовала необычайно продвинутую собственную торговую миссию (Новосельцев 1990).

Основополагающее влияние в отношении использования ВВП, особенно в его прибалтийской части, оказала Северная Русь со столицей в Ладоге, а затем Холмгороде-Предновгороде, сформировавшаяся, скорее всего, до середины IX в. Руководители новообразованной державы существенным образом расширили балто-европейские связи. Ладога и другие северные русские города выдвинулись тогда в качестве центров, активизировавших экономические и транспортные контакты Запада и Востока. Скорее всего, при первом представителе новой правящей династии — князе Рюрике со скандинавскими странами была установлена система безопасного плавания — «торговый мир» и, следовательно, на значительной части балто-волжского маршрута были созданы условия максимального благоприятствования свободному судождению (Кирпичников, 1988; 1997).

Обращает внимание геостратегическое строительство формирующегося государства. По сообщению «Повести временных лет», Рюрик посадил своих мужей в Полоцке, Муроме, Ростове, Белоозере. Ладога и поселение у истока Волхова (там, где ныне Рюриково городище) принадлежали самому главному норманскому властителю. Показательно, что упомянутые населенные пункты находились на важнейших речных трассах, так или иначе связанных с ВВП. Не будет рискованным предположить, что у нового династа был план расширения своих границ на юг, в сторону Смоленска и Киева. Как бы то ни было, карта создававшейся единой страны, пронизанной магистральными дорогами, становилась все более представляемой поколению времени княжения Рюрика.

Держава Рюрика сформировалась на подготовленной почве. Здесь прежде всего обратим внимание на известие о каганате «народа Рос», который возник не позже 830-х годов. По сообщению «Бертинских анналов», в 839 г. византийский император Феофил направил в составе своего посольства в Ингельгейм к королю франков Людовику Благочестивому группу, именовавшую себя «народом Рос», повелитель которых назван «хаканусом». При выяснении принадлежности этих людей они оказались «свеонами», то

есть шведами, и намеревались возвратиться из Константинополя в свою страну кружным путем, так как прямая дорога была опасной, она «проходила среди варварских, отличающихся жестокостью и беспримерной дикостью племен». Правитель русов принял свой титул не позже первой трети IX в., заимствовав его у хазар, чтобы уравнивать себя с хазарским царем и тем самым обозначить свою независимость.

Для суждений о географическом положении каганата русов более широко могут быть привлечены сведения летописи. Судя по сказанию о призвании варягов, Ладога до вокняжения там в 862 г. Рюрика являлась главным центром межплеменной конфедерации северных славянских и финских племен. Северный адрес древнерусской зоны, где произошла самая ранняя встреча скандинавов и славян (и, по-видимому, финнов) и где в тот период уже существовали торговые города Ладога и Хольмгард, иначе Предновгород (Рюриково городище), подтверждают и скандинавские источники XI–XIII вв. Показательно, что упоминания только этих населенных мест имеются в древнейшем топонимическом пласте, зафиксированном в скальдических стихах и рунических надписях XI–XIII вв. Запечатленная в скальдике, рунах и сагах информация об этих городах восходит к событиям IX–X вв. и отражает начальный этап освоения скандинавами так называемого «восточного пути» по маршруту: Финский залив, река Нева, южное побережье Ладожского озера и, особенно, река Волхов. Упомянутая конфедерация северных народов была способна на объединенные действия и может быть сопоставлена с каганатом русов, заявившим о себе в первой половине IX в. и, по всей видимости, независимым от Хазарской державы. Дополнить наши представления об этом раннегосударственном образовании могут во многом еще загадочные, поддающиеся постепенной расшифровке, сведения Иоакимовской летописи о доваряжской династии на севере Руси с вероятной резиденцией в Ладоге.

Если существование каганата русов сомнений не вызывает, то местоположение его центра гадательно. Его «штаб-квартиру» помещали в Тмутаракани, Киеве, районе Ярославля, Рюриковом городище, Ладоге (Мачинский 1998; Франклин, Шепард 2000). Из всех упомянутых населенных пунктов только в Ладоге обнаружены отчетливые признаки ее существования начиная с первой половины VIII в. В древнейших слоях этого города обнаружены наиболее ранние среди городов Руси норманнские (да и другие) древности, а также и дирхемы. Все имеющиеся данные выдвигают Ладогу на-

ибо более вероятным претендентом в качестве центра каганата русов еще до появления там варяжского правителя Рюрика.

Переходим здесь к ценному по своей информативности, хотя и не простому по текстологии, сообщению Ибн Хордадбега, содержащемуся в его «Книге путей и стран», написанной в 846/47 г. и дополненной в 885/86 г. (Велиханова 1979; Новосельцев 1982). Обсуждаемый ниже отрывок имеется в первоначальной авторской редакции, а описанные в нем события, как полагают, восходят к началу IX в. Этот отрывок гласит: «Купцы-русы, а они вид (джинскаста) славян, вывозят меха бобров (в переводах вместо слова «бобр» указывают и слово «заяц») и черно-бурых лисиц и мечи из отдаленных частей страны славян к Румскому морю. Если они хотят, то отправляются по (?) реке (в этом месте рукописи не совсем ясное слово, которое востоковеды читают по-разному, и как Танаис, и как Итиль), славян входят в Хамлидж, город хазар. Их (хазар) властитель также взимает с них десятину (Новосельцев 1965; Захдер 1967; Ибн Хордадбег 1986; Калинина 1976; 1986).

Как бы ни трактовать дорожные сообщения Ибн Хордадбега, они свидетельствуют о дальней торговле русов мехами и оружием по разным водным путям, ориентированным на Византию и Халифат. Известия арабского чиновника важны еще и потому, что достоверно датируют функционирование торговли русов не позже первой трети IX в. (Лебедев 1985).

Разворот судоходной и иной торговли начиная с VIII в. сопровождался установлением единой денежно-весовой единицы — исламского дирхема. Вплоть до начала XI в. восточное монетное серебро выполняло функции международной валюты. Находки восточных монет указывают места торговли, маркируют купеческие маршруты и разезды сборщиков дани.

Начало дирхемной торговли относят к 70–80-м годам VIII в. Ныне накапливается все больше данных, позволяющих отодвинуть начальный период этого глобального явления к 50–60-м годам VIII в. (если не раньше). В тот период сложились благоприятные для развития экономики Восточной Европы обстоятельства. После 737 г. прекратилась арабо-хазарская война. В отношениях между двумя государствами наступил преимущественно мирный период (Артамонов 1962). В зоне ВВП возникла новая ситуация. На северном и южном полюсах системы ВВП появились после 723 г. Итиль, не позже 753 г. Ладога (в Подонье в 830-х годах Саркел). В 762 г. утвердившиеся у власти Аббасиды перенесли столицу из Дамаска в Багдад (официально названного «Городом благоденствия»), в ко-

тором на новозаведенном монетном дворе во все возрастающей мере была развернута чеканка полноценной серебряной монеты. В пределах первой половины VIII в. ряд новых городов отстраивается в регионе Балтийского моря (Рибе, Бирка, Ральсвик, Рёрик, Павикен и др.). Почти одновременное создание череды городов на торговых маршрутах не случайно и знаменует разворот устойчивых «всесветных» купеческих операций (Носов 1986).

Особое значение для выяснения времени начального проникновения дирхема по ВВП приобретают находки Старой Ладogi. К числу древнейших русских кладов отнесен обнаруженный на этом поселении клад куфических монет, чеканенных в 749–786 гг. В разные годы на территории Земляного городища, каменной крепости, посада и в курганах обнаружены 11 монет VIII в. с датами, насколько удалось установить, суммарно 738/739–788 гг. (Кирпичников 1988). Во время раскопок в 1950 г. Земляного городища из пласта, датированного 750–760 гг., извлечен умайядский дирхем, чеканенный в Дамаске в 699/700 г. Среди монет, найденных в поселенческих слоях древнерусских городов, данная монета по дате является старейшей.

Именно через Ладогу проходило основное караванное торговое движение и реэкспортировались в страны Балтийского региона от трети до половины всех попавших на Русь в IX–X вв. куфических монет. С учетом всей массы импортированного в страны Балтийской Европы монетного серебра, объем ладожско-балтийской торговли, по исчислениям Т. Нуннена, в начале X в. по сравнению с концом IX в. вырос в 3 раза, а в 940 гг. — не менее, чем в 10 раз (Noonan 2000).

С провозглашением в 882 г. Киева новой столицей важнейшей магистралью страны становится балто-днепровский путь. Отныне торговые потоки и связи Руси направляются не только в города Передней и Средней Азии, но и в Византию. При этом, однако, ВВП, который в течение VIII и большей части IX в. был практически главной дорогой Руси, и в период X столетия не утратил своего значительного торгово-транспортного значения (Янин 1956).

Литература

Артамонов 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. М., 1962.

Велиханова 1979 — *Велиханова Н.М.* О торговых путях купцов-русов и купцов-евреев Ар-Разани по сочинению Ибн Хордадбега «Книга путей и владений» // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.

- Заходер 1962 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. Т. 1. М., 1962.
- Заходер 1967 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. Т. 2. М., 1967.
- Ибн Хордадбех 1986 — *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Баку, 1986.
- Калинина 1976 — *Калинина Т.М.* Сведения Ибн Хаукаля о походе Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.
- Калинина 1986 — *Калинина Т.М.* Торговые пути Восточной Европы (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // История СССР. Вып. 4. М., 1986.
- Кирпичников 1986 — *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // *Славяно-русские древности.* Вып. I. Л., 1988.
- Кирпичников 1997 — *Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволжья. СПб., 1997.
- Лебедев 1985 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Мачинский 1998 — *Мачинский Д.А.* Эпоха викингов в «скандинавском Средиземноморье» и русско-варяжский период на «восточных путях» // Ладога эпохи викингов. СПб., 1998.
- Новосельцев 1965 — *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // *Древнерусское государство и его международные значения.* М., 1965.
- Новосельцев 1982 — *Новосельцев А.П.* Арабский географ IX в. *Ибн Хордадбех* о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.
- Новосельцев 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Носов 1999 — *Носов Е.Н.* Речная сеть Восточной Европы в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.
- Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Франклин, Шепард 2000 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750—1200. СПб., 2000.
- Янин 1956 — *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси, М., 1956.
- Noonan 2000 — *Noonan T.S.* The Impact of the Islamic Trade Upon Urbanization in the Rus'lands: the Tenth and early Eleventh Centuries // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000.

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ И ЛАДОЖСКАЯ ЗЕМЛЯ (ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ)

Исследуя материалы южного Приладожья, исследователи обращали внимание на совпадение границ района распространения средневековых археологических памятников и естественно-географических границ низменности на южных и юго-восточных берегах Ладожского озера (Назаренко 1983: 10–11). Северо-западной ее границей является берег Ладожского озера. С юга, юго-востока и востока низменность ограничивают Вепсовская возвышенность и Тихвинская гряда, являющиеся водоразделом между бассейнами Балтийского и Каспийского морей. С запада и юго-запада естественной границей можно считать заболоченную низину, простирающуюся от побережья Ладожского озера до южных отрогов Тихвинской гряды. Наименее выражена северная граница, которая, по всей вероятности, связана с различиями в природных ландшафтах юго-восточного Приладожья и Ладожско-Онежского межозерья.

Однако, в этом обширном регионе исследователи традиционно выделяли две части (Спицын 1985: 153). На западе расположены археологические памятники нижнего Поволховья, среди которых уникальное Староладожское поселение. Восточную часть региона, отделенную от нижнего Поволховья болотистым междуречьем рек Сяси и Волхова, составляют бассейны рек, впадающих с востока и юго-востока в Ладожское озеро. Археологические памятники здесь, в отличие от Ладожской округи, в подавляющем большинстве представлены погребальными древностями. Географическая и хронологическая близость археологических комплексов восточной и западной частей региона несомненно свидетельствует об их взаимовлиянии. Однако, расположение памятников нижнего Поволховья на ключевом участке целого ряда трансевразийских путей (Кирпичников 1985: 21) отразилось в значении Ладоги-Альдегьюборга для европейского мира и в более напряженной социально-политической жизни. Юго-восточное Приладожье было в значительной мере ориентировано на менее оживленные связи (Кирпичников,

Дубов, Лебедев, 1986: 160–162). Это, в свою очередь, обусловило его меньшую зависимость от бурных процессов на Северо-Западе Руси в эпоху раннего средневековья.

Таким образом, регион южного Приладожья, уже при первом знакомстве, предстает как имеющий сложную структуру, а его части имели предпосылки как для тесного взаимодействия, так и для проявления определенной самостоятельности. Такая структура региона привела к сложению двух различных подходов в понимании, в первую очередь, места и роли юго-восточного Приладожья в культурной истории южного Приладожья и Северо-Запада Руси. С одной стороны, эта огромная территория представляется исследователям как единый политический организм — «Ладожская земля» с центром в Старой Ладогe (Кирпичников 1988: 76–79). Ладога здесь сыграла роль посредника в торговых операциях между приладожским населением и западноевропейским миром (Назаренко 1979: 106–114; Назаренко 1982: 1142–1146; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 196–197; Лебедев 1985: 216). С другой стороны, юго-восточное Приладожье расценивается учеными как достаточно изолированный район, являющийся частью обширного финского мира, а его связи с нижним Поволховьем вряд ли выходили за рамки межрегиональных связей. Включение этой части региона в общерусские и общеевропейские культурно-исторические процессы в этом случае следует отнести к достаточно позднему времени и признать ведущими процессы славянской аккультурации края (Голубева 1987: 63–64; Кочкуркина 1973: 56–80; Кочкуркина 1989: 291–293).

Различия в характере памятников восточной и западной частей региона закономерно отразились и в исследовательском подходе к изучению связанных с ними проблем. Большинство археологов, начиная с рассмотрения региона южного Приладожья в целом, так или иначе переходили к раздельному рассмотрению памятников восточной и западной частей. Это, в свою очередь, привело к ситуации, когда целый ряд вопросов культурно-исторического развития значительно полнее изучен в северном Поволховье, в то время как в юго-восточном Приладожье многие сходные проблемы весьма далеки от своего разрешения. Очевидно, что на историко-культурное развитие древних коллективов юго-восточного Приладожья не могла не влиять крайне динамичная история Северо-Запада Руси, однако степень и характер ее воздействия, а также роль центра региона — Староладожского поселения — в этих процессах в разные исторические периоды принципиально не может быть неизменна.

Следует отметить, что к сегодняшнему дню издано такое количество работ по различным темам, связанным со Старой Ладогой, а объем накопленного материала столь велик, что осветить, даже поверхностно, все имеющиеся работы вне рамок специального историографического исследования не представляется возможным. Однако значительная часть этих работ рассмотрена в статьях А.Н. Кирпичникова, подводящих итог определенному периоду в изучении Старой Ладogi (Кирпичников 1985: 3–26; Кирпичников 1979: 92–106). Кроме того, в этих работах приведена также концепция А.Н. Кирпичникова, намечающая этапы развития древней Ладogi и ее окружи.

По мнению А.Н. Кирпичникова, возникнув в середине VIII в. на северных рубежах славянского мира, Ладога становится важнейшим торгово-транзитным центром на евразийском балто-каспийском водном пути. Одновременно формируется городовая волость, охватившая Нижнее Поволховье. Ладожское поселение, возглавлявшее свою самоуправляющуюся городовую волость, выступает как торгово-ремесленный и портовый пункт, в ускоренном развитии которого сказались интересы нескольких крупных северных племен.

Не позже середины IX в. Ладога выдвигается в качестве главного центра местных племен, а затем становится столицей Верхней Руси. Возрастают государственно-объединительные, а также рыночные и контрольно-пропускные функции Ладogi, ставшей сильной крепостью и фамильным владением первых Рюриковичей.

В X в. Ладога — крупный русский город. Его международные функции дополняются внутрирусскими. Соседние области с финским и саамским населением попадают в данническую зависимость от Ладogi. Создается разноплеменная Ладожская земля, включающая значительную часть Северной Руси. Доминирующим ядром является Ладожское Поволховье, через которое разворачивается освоение северных земель, включая Беломорье и Подвинье.

В XI в. Ладога и относящиеся к ней территории получают статус подчиненного Киеву русско-норманского наместничества — ярлства во главе с особым правителем. В системе Ладожской земли особое значение приобретает Обонежская область со своей столицей Олонцом, с которым отождествляется Алаборг скандинавских саг. Подъем местных сил приводит в начале XII в. к ряду военных потрясений. Международное значение Ладogi как одного из центров балто-готландской торговли дополняется растущим внутриобластным и общеземельным влиянием.

В XII в. Ладога наряду с Новгородом и Псковом — равноправный город-федерат на основной территории Новгородского государства. Население Ладоги достигло такого уровня общественного развития, что принимает постоянное участие в собственных и общеновгородских политических делах и походах. В XII в. Ладога переживает небывалый в ее истории экономический подъем. Ценой полного прекращения каменного дела в Новгороде ладожский посад отстраивает в камне почти все свои основные храмы и монастыри. Ладожские посадники и городская старшина наряду с новгородцами и псковичами выступают в качестве равноправного участника триединого совета, решающего вопросы государственной важности.

В XIII в. положение Ладоги как основного и весьма самостоятельного федерата Новгородской земли меняется. На нее (и подчиненные ей районы) распространяются судебноподатные установления новгородских властей. В то же время ослабевают связи с такими областями, как ижорская и отчасти лопская. В XIII в. Волховская сотня со своим лидером Ладогой предстает отдельной от Обонежской сотни, но, возможно, сохраняет за собой восточную часть лопского региона. В полной мере сохраняются и даже возрастают военные функции Ладоги как защитника внутренних водных и сухопутных путей своей территории и государственной границы в целом. В этот период Ладога и ее земля, разделившаяся на административные районы и отдельные области, входят в состав Новгородского государства (Кирпичников 1988: 77–79).

Дискуссия по проблемам юго-восточного Приладожья велась менее оживленно, нежели по вопросам истории северного Поволжья, и достаточно быстро сконцентрировалась вокруг нескольких крупных проблем. Среди них необходимо выделить проблему этнической принадлежности Приладожских курганов, проблему роли скандинавов в истории этого района и проблему политической истории региона.

Первая концепция, освещающая весь комплекс проблем, связанных с юго-восточным Приладожьем, была создана В.И. Равдоникасом. В материальной культуре Приладожских курганов им было прослежено значительное сходство, свидетельствующее, по его мнению, о культурном единстве и генетической близости всех исследованных памятников. Сначала, вслед за А.А. Спициным, В.И. Равдоникас относил погребенных в приладожских курганах к предкам современных вепсов (Спицын 1914: 32; Равдоникас, 1924: 29). Но, после открытия им памятников на восточном побе-

режье Ладожского озера, стал относить к предкам другого близкого финноязычного племени — карелам (Равдоникас 1930: 60–68). Впоследствии он присоединился к точке зрения А. Тальгрена, что исследованные древности оставлены коллективами, являющимися общими предками карел и вепсов (Talgren 1916: 30; Равдоникас 1934: 25).

Проблема роли выходцев из Скандинавии в истории развития юго-восточного Приладожья, пожалуй, впервые была остро поставлена в работе Т. Арне, посвященной деятельности скандинавов в Восточной Европе в целом (Arne 1914). **Согласно его концепции**, большое количество скандинавских вещей, найденных вдоль торговых путей и датированных IX–X вв. свидетельствуют об интенсивном проникновении скандинавов в русские земли. Результатом этого проникновения стало создание целого ряда колоний вдоль наиболее важных торговых путей (Arne 1917: 61–63). **По мнению Т. Арне**, именно в юго-восточном Приладожье, в точнее на р. Паше, в первой половине IX в. возникла самая ранняя на Руси скандинавская колония (Arne 1917: 54–55). **Аргументами в пользу этого взгляда** стало то, что здесь, на момент написания работы Т. Арне, были найдены наиболее близкие к скандинавским погребальные памятники и наибольшее количество скандинавских вещей. Эта концепция оказала столь сильное влияние на археологическую науку, что исследователи до сих пор возвращаются к ее обсуждению.

В.И. Равдоникас выступил с критикой построений Т. Арне. Полностью отрицая гипотезу о существовании в Приладожье в IX–X вв. скандинавской колонии, В.И. Равдоникас исходил из того, что находки предметов материальной культуры, а также некоторые элементы обряда, имеющие самые широкие аналогии в древностях Скандинавии, не являются решающими при определении этноса погребенных. В.И. Равдоникас пришел к выводу, что появляющиеся здесь скандинавы никогда не составляли сколько-нибудь значительного постоянного населения (Raudonikas 1930). **Поступавшие в Приладожье вещи скандинавского и другого иноэтничного происхождения** являлись, по его мнению, доказательством широких торговых связей феодализирующегося населения юго-восточного Приладожья. Погребения с предметами скандинавского и другого иноземного происхождения он предложил интерпретировать как погребения родовой аристократии, первоначально выступавшей в торговле в качестве представителей своих родовых групп, а затем, в значительной степени, монополизировавшей эту торговлю (Raudonikas 1930: 134–135). **Эти взгляды В.И. Равдоникаса на при-**

ладожское общество оказали огромное влияние на отечественных исследователей и до настоящего времени занимают важное место в исторической и археологической литературе.

Появление большой массы нового материала усилило интерес западных историков и археологов к этому региону. Их работы во многом явились ответом на критику В.И. Равдоникасом концепции Т. Арне и стали продолжением дискуссии о месте и роли выходцев из Скандинавии в истории южного Приладожья. В конце 1950-х гг. ведущая роль в этой дискуссии, несомненно, принадлежит Х. Арбману (Arbman 1955; 1961; 1962; 1962a). **Присутствие выходцев из Скандинавии в южном Приладожье** Х. Арбман видит уже в период, предшествующий появлению Приладожских курганов. Следы этого присутствия он находит и в материалах нижних слоев Староладожского поселения, и в существовании в нижнем Поволховье и в бассейне р. Сясь сопок, которые он считает скандинавскими (Arbman 1955: 34).

Но все же главное внимание Х. Арбман уделяет более поздним и более массовым памятникам — курганам, распространенным в бассейнах рек Сясь, Оять, Паша и на их притоках. По мнению Х. Арбмана, основная масса Приладожских курганов оставлена скандинавами. В пользу этого говорит то, что по своей внешней форме и размерам курганных групп эти памятники весьма сходны с курганами средней Швеции, расположенными на моренных холмах в районе оз. Меларен (Arbman 1955: 42; 1962: 114; 1962a: 160). В работе Х. Арбмана не обойден также вопрос о наличии в Приладожских курганах значительного количества вещей скандинавских типов. В частности, Х. Арбман указывает на женские украшения — скорлупообразные фибулы, гривны, браслеты, — которые он считает несомненно изготовленными в Скандинавии. В качестве аргумента своей концепции Х. Арбман также выдвигает и аналогичность традиций обряда отдельных погребений Приладожья, как, например, погребение в ладье, скандинавским погребальным обрядам (Arbman 1955: 42).

Наряду с этим Х. Арбман отмечает в Приладожье и наличие нескандинавского пласта древностей. К нему он относит шумящие и зооморфные бронзовые украшения и некоторые элементы обряда. В качестве неизвестного в Швеции обряда Х. Арбман называет курганы с очагом, однако считает возможным, что они являются результатом трансформации скандинавского обряда местными колонистами (Arbman 1955: 40–41). **Несмотря на эти нескандинавские черты в материальной культуре Приладожья, скандинавский**

элемент в ней, по мнению Х. Арбмана, преобладает, что говорит о скандинавском характере этих памятников.

Подробное освещение вопросов о целях и характере скандинавской колонизации южного Приладожья представлено в работах другого скандинавского историка — А. Стендер-Петерсена. Начало разработки его концепции относится еще к рубежу 1920–1930-х гг. (Шаскольский 1965: 182–183), но в развернутом виде его концепция была впервые изложена в статьях начала 1950-х гг. Согласно его концепции, роль скандинавов в Западной Европе и в восточноевропейских странах достаточно сильно отличается. Если в Западной Европе в IX–XI вв. скандинавы, в значительной степени, выступали как грабители, то на востоке Европы их деятельность носила иной характер — мирный (Stender-Petersen 1960: 3–4). Если из Скандинавии на запад совершались завоевательные походы, то на восток через Балтийское море происходило, по его мнению, мирное движение земледельцев, аналогичное земледельческому освоению в IX–X вв. Фарерских островов и Исландии. Причиной этой колонизации А. Стендер-Петерсен считал начавшееся в VI–VII вв. объединение шведских земель под властью конунга. Это определило направление движения — через Аландские острова, вдоль южнофинского побережья Балтийского моря, через Неву и Ладожское озеро; состав переселенцев — небогатые бонды, а также мирный характер их взаимодействия с местными племенами (Stender-Petersen 1960: 11; Stender-Petersen 1953: 81). На территории Руси районом наиболее раннего поселения шведских колонистов стало южное Приладожье. Сложившаяся к IX в. в Приладожье и в «треугольнике» между Ладожским, Чудским и Белым озерами группа шведских колонистов стала называться их финскими и славянскими соседями народом русь (Stender-Petersen 1953: 80–83; Stender-Petersen 1960: 11–13).

Дискуссия о наличии в Приладожье постоянного населения из числа выходцев из Скандинавии и их роли в историко-культурных процессах на этой территории в 1970-е гг. получила новый толчок. В общем исследователи, соглашаясь с положением В.И. Равдоникаса о незначительной роли скандинавов, расходятся в отношении атрибуции конкретных погребений и некоторых элементов погребальной обрядности и материальной культуры. Тем не менее, в отличие от В.И. Равдоникаса, признается наличие на территории Приладожья погребений скандинавов, которые проживали здесь в незначительном количестве (Кочкуркина 1973: 57) или совершали сюда поездки (Тухтина 1976: 168). По мнению В.А. Назаренко,

роль скандинавов в юго-восточном Приладожье была весьма велика, особенно на ранних этапах развития. Проведенный им анализ погребального обряда определенно указывает на влияние скандинавских погребальных ритуалов на формирование Приладожских курганов (Назаренко 1982: 145–146). К вопросу об археологических критериях опознания погребений скандинавов в Восточной Европе обратилась в последнее время А. Стальсберг, причем большое внимание было уделено могильникам юго-восточного Приладожья. Одной из важнейших отличительных черт скандинавского погребального ритуала А. Стальсберг считает обряд погребения в ладье, в то время как умышленная порча оружия или втыкание его в землю могут быть присущи не только выходцам из Скандинавии. Другой отличительной чертой скандинавских погребений она предлагает считать скандинавский женский костюм. Археологическими признаками этого костюма являются две овальные фибулы, застегивающие лямки длинной юбки, и третья, скрепляющая накидку или шаль. Кроме того, важной деталью, по ее мнению, являются железные шейные гривны с привесками. Скандинавскую принадлежность мужских погребений определяют некоторые типы дамскированных мечей и умбоны. Однако А. Стальсберг отмечает, что эти критерии не являются абсолютными, поскольку в Приладожье происходит взаимовлияние скандинавской и местной финской культур (Stalsberg 1982: 267–295).

Таким образом, благодаря целому ряду работ юго-восточное Приладожье получило в научной литературе освещение как один из наиболее развитых районов Восточной Европы и в культурном, и в социально-экономическом отношении. Это создало все условия для включения результатов исследования в построение более широкого исторического плана. А.В. Куза предложил гипотезу политической истории Приладожья как одной из трех племенных территорий, составлявших древнейшее ядро Новгородского княжества. Племя, или союз племен, во всяком случае, их западные группировки, согласно его концепции, являлись активными участниками северного союза племен, третьим федератом одного из предшествовавших возникновению Киевской Руси государственных образований. По мнению А.В. Кузы, приладожская весь упоминается в летописях под именем чудь, которая вместе со словенами и кривичами участвовала в летописном призвании варягов (Куза 1975: 145–152). Важнейшими центрами этой племенной группировки А.В. Куза считал Ладогу и поселение в устье р. Сясь. К сожалению, ни письменные, ни археологические источники не донесли до нас сведе-

ний о поселении в устье р. Сясь. Вероятно, мы имеем дело с неверной локализацией единственного в юго-восточном Приладожье городища. На самом деле оно находится в среднем течении этой же реки. Т.А. Джаксон и Д.А. Мачинский высказали предположение, что именно этот памятник является Алаборгом скандинавских саг (Джаксон, Мачинский 1989: 129–137). Подобное отождествление лишний раз ставит под сомнение характеристику этого поселения, предложенную А.В. Кузой, как племенного центра. Те же сомнения в полной мере относятся и к Ладожскому поселению (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 96–100).

Иной точки зрения на политическую историю южного Приладожья придерживались скандинавские исследователи. Так, Х. Арбман в своих работах неоднократно указывал на большое количество скандинавских элементов в культуре Приладожских курганов. Это, по его заключению, является свидетельством произошедшей в эпоху викингов шведской колонизации Приладожья. При этом Х. Арбман не отрицает возможности существования в юго-восточном Приладожье, до появления норманнов, местного финно-угорского населения, однако, немногочисленного (Arbman 1955: 42–43), причем отношения с ним местных колонистов явно носили мирный характер. Шведы осели в селениях вдоль впадающих в Ладожское озеро рек — Волхова, Сяси, Тихвинки, Паши и Ояти — в конце IX в. Х. Арбман, основываясь на датировках скандинавских вещей по типо-хронологической шкале Я. Петерсена, определил период существования здесь шведского населения временем с конца IX до начала XI в., поскольку именно к этому периоду относятся подавляющее количество скандинавских находок. Отдельные вещи, которые могут быть датированы серединой IX в., не влияли, по мнению Х. Арбмана, на общую датировку памятников. В XI в. шведские колонисты в Приладожье слились с местным финским и с пришедшим сюда славянским населением (Arbman 1955: 42–43; 1961: 93–94; 1962: 114–115; 1962a: 160–161). Однако, как отмечалось и самим Х. Арбманом, остается до конца неясным, какие цели преследовала шведская колонизация этого региона.

Согласно концепции А. Стендер-Петерсена, двигавшиеся с запада скандинавы встретились в южном Приладожье с местным финским населением и с продвигавшимися с юга славянами. Поскольку, по его мнению, шведские колонисты являлись, в отличие от славян и финнов, носителями «государственной традиции», именно они создали в Приладожье формы государственной организации — Шведскую Русь. Достаточно долго эта шведская колония сохраня-

ла тесную связь с материковой Швецией и даже, вероятно, платила дань шведскому конунгу (Stender-Petersen 1959: 122). Однако подвластность шведского Ладожского ярлства шведским конунгам, по мнению А. Стендер-Петерсена, существовала примерно в VIII в. По предположению автора, около начала IX в. наступил новый этап в истории ярлства, когда оно становится самостоятельным государственным образованием (Stender-Petersen 1960: 14). Перемены автор объясняет тем, что шведская колония, завладев начальным отрезком прокладывавшегося в IX в. волжского пути из Балтики в арабские страны, вступила в контакт с Болгарией и Хазарским каганатом. Под воздействием этих государств, а также с целью противостоять их агрессивной политике, здесь складывается государственное образование, также принявшее форму каганата с центром в Ладоге — «Ладожский каганат», который и упомянут под именем «каганата Рос» в Бертинских анналах под 839 г. (Stender-Petersen 1960: 14–17) В дальнейшем Ладожский каганат превратился в течение IX в. в огромное Древнерусское государство. Это происходило за счет расширения его владений сначала на Новгород, куда перемещается центр каганата, а затем его экспансия направляется далее на юг к днепровскому торговому пути. После походов Аскольда и Дира, а затем Олега, центр государства переносится в Киев (Stender-Petersen 1956a).

Подводя итоги рассмотрения основных проблем и концепций, возникших более чем за двухсотлетнюю историю изучения региона, следует отметить, что в последние десятилетия основное внимание исследователей было сосредоточено на изучении частных вопросов развития региона. Таким образом был накоплен значительный материал, позволяющий несколько по-новому взглянуть на развитие этого региона и возможно, примирить ряд положений различных концепций.

Средневековая история региона Южного Приладожья, видимо, начинается в последней трети I тысячелетия н. э., которая ознаменована появлением археологических памятников нового типа. В первую очередь, это Ладожское поселение, отличительные черты которого проявляются в смешанном характере материальной культуры, обусловленном развитыми торговыми связями, и в отчетливо прослеживаемых элементах ремесленного производства (Рябинин 1985: 73). Время начального освоения исследованного участка Земляного городища относится к 750-м годам. Со второй половины VIII в. Ладожское поселение включилось в формирующуюся систему трансевразийской торговли. Оживленный характер связей подтверждает находка одного из древнейших русских кладов с датой

чеканки «младшей» монеты 786 г. Кроме того, показательно крайне незначительное запаздывание монет в этот период. Например, монета 768 г. чеканки найдена в комплексе конца 760 — конца 770-х гг. (Рябинин 1985: 73).

Начиная с 810-х гг. облик Ладожского поселения несколько меняется. Происходит общий рост территории застройки, о чем свидетельствует появление построек на левом берегу р. Ладожки (Петренко 1985: 113–115). Эти изменения, предположительно, отражают увеличение роли волховского участка трансевразийских путей и возрастание интенсивности движения товаров и людей через Ладогу. Кроме увеличения объема внешнеторговых операций, Ладожское поселение в 810–860-е гг., видимо, принимает на себя весьма важные функции в торговых операциях с окружающими финскими племенами. Об этом свидетельствуют находки большой массы бус, хранящихся в нескольких ладожских постройках. Всего в двух постройках, исследованных Е.А. Рябининым, найдено более 250 стеклянных изделий и более 160 изделий из янтаря и заготовок для них. Кроме того, в нежилой постройке, примыкающей к одной из упомянутых, были найдены остатки стеклоделательной мастерской, работавшей на привозном сырье (Рябинин, Черных 1988: 87–89). Изготовление в таком количестве стеклянных и янтарных изделий предполагает наличие для них рынка сбыта и маловероятно, что потребителями этой продукции были жители Скандинавии. Таким образом, ключевым вопросом при выявлении района тесного контакта финского населения и ладожан становится вопрос выявления массовых памятников этого периода.

Последняя треть I тыс. н.э. характеризуется, кроме появления нового типа поселений, изменением в погребальных традициях приладожского населения, а именно появлением захоронений под курганными насыпями. Ведущую роль в процессе знакомства населения южного Приладожья с этим типом обряда следует, видимо, отдать коллективам, соорудившим высокие монументальные сооружения, получившие в археологической литературе название «сопки». Высокие сопковидные насыпи существуют и в юго-восточном Приладожье, известны они в бассейне р. Сясь и на некоторых ее притоках. Их датировка весьма спорна в силу малого количества раскопанных памятников, однако существуют данные о хронологической близости приладожских сопковидных насыпей и Волховских сопок (Богуславский 1989: 30–32).

Список памятников рассматриваемого периода дополняется материалами раскопок поселения у д. Городище на р. Сясь. В ряде

работ, посвященных этому комплексу, указывалось на значительную близость Сясьского комплекса и памятников Нижнего Поволховья (Богуславский, Мачинская 1993: 117–122). Наибольшее сходство прослеживалось между поселением Новые Дубовики и Сясьским городищем, однако, целый ряд черт, как, например, состав некрополя, находок и другие, сближал Сясьский комплекс со Староладожским поселением. Основное различие этих памятников виделось в отсутствии в среднем течении р. Сясь системы небольших поселений. Теперь наличие подобных поселений в районе Сясьского городища становится очевидным, что еще больше сближает этот район со Старой Ладогой. Другим сближающим фактором можно считать впервые зафиксированный в юго-восточном Приладожье ярко выраженный ремесленный характер поселения южнее Сясьского городища, где ярко представлены следы металлургического и ювелирного производства. Не пропорционально большая коллекция бус, происходящая с этого поселения, и находки на нем бракованных стеклянных изделий позволяют предположить также и торговый характер поселения. Новые материалы, полученные на поселении, подтверждают хронологическую близость Сясьского городища и Староладожского поселения, которые до середины X в., видимо, прошли сходный путь развития (Богуславский 2006: 240).

Появление в юго-восточном Приладожье погребальных памятников, характеризующихся размещением кремированных останков в стороне от места захоронения, под относительно невысокими курганными насыпями, в сопровождении значительного количества вещей, относится к 860-м гг. (Богуславский 1992a: 114–135). По мнению В.А. Назаренко, с момента появления первых памятников Приладожской курганной культуры ее погребальную обрядность составляют два типа ритуалов (Назаренко 1983: 151). Один из них представлен разделенными на мужскую и женскую, восточную и западную половины сооружениями с помещенными, в соответствии с этим делением, на основание и в насыпь остатками кремации мужчин и женщин. Этот тип обряда восходит к погребальным памятникам докурганного периода — наземным, квадратным в плане дерево-земляным сооружениям с очагом в центре и разделением на мужскую и женскую половины — «домикам мертвых». Курганы, характеризующиеся обрядом второго типа, не разделяются на мужскую и женскую части и, как правило, в насыпи содержат остатки нескольких, расположенных рядом или отдельно друг от друга, сожженных мужчин и женщин. По всей вероятности, на эти

памятники большое влияние оказал сопочный обряд погребения и грунтовые захоронения (Назаренко 1982: 144–147).

Памятники периода 860–890-х гг. (Богуславский 1992а: 43–135; Богуславский 1991: 99–114) занимают весьма небольшой район нижнего течения р. Паши и Ояти и количество их невелико. Однако вопрос об обрядовых характеристиках этих комплексов достаточно сложен, поскольку они сочетают целый ряд весьма разнообразных элементов, что может отражать процесс формирования погребального обряда Приладожских курганов.

Период 860–890-х гг. также характеризуется определенными изменениями на Староладожском поселении, выразившимися в расширении его площади и увеличении плотности застройки (Кузьмин, Мачинская 1989: 143; Рябинин, Черных 1988: 91–93). Этому предшествовали сильные потрясения, с которыми связано почти полное уничтожение построек горизонта E_2 в пламени пожара, который относится ко второй половине 860-х гг. (Рябинин, Черных 1988: 89–91). По мнению Е.А. Рябининой, он связан с событиями, зафиксированными Начальной летописью как изгнание варягов-находников и последующее призвание Рюрика (Рябинин, Черных 1988: 91). По нашему мнению, к этому же периоду относится и начало сооружения погребальных насыпей в урочище Плакун (Богуславский 1992а: 146–148).

Вопрос о степени влияния процессов, происходивших в нижнем Поволховье, на население юго-восточного Приладожья упирается в проблему интенсивности связей между этими частями региона. Отражением этого является увеличение или уменьшение процента типов вещей, запаздывающих в погребениях юго-восточного Приладожья по сравнению с Ладогой (Boguslavskii 2005: 320). Период 860–890-х гг. характеризуется весьма тесными связями Ладоги и Приладожья, поскольку процент запаздывания типов вещей один из самых низких за весь период существования культуры (Boguslavskii 2005: fig. 3). Хотя внешние связи Ладоги в это время весьма интенсивны, в материальной культуре Приладожья прослеживается влияние всего двух традиций — финской и скандинавской (Boguslavskii 2005: fig. 4). Кроме того, на раннем этапе развития Приладожских курганов присутствуют элементы скандинавского происхождения в погребальном обряде. Влияние норманнов на приладожскую обрядность в целом проявилось, прежде всего, в переходе к размещению захоронений прямо на основании погребального сооружения, а для некоторых районов — в знакомстве населения собственно с курганным обрядом (Назаренко 1983: 155–156). Можно предпо-

ложить, что появившиеся на Волхове в VIII в. скандинавы вскоре начинают проникать вглубь Приладожья, что возможно отражает находка меча типа “В” по Я. Петерсену и возникновение Сясьского городища. В 860-е гг. характер контактов скандинавов с местным населением коренным образом меняется. Эти изменения носили отнюдь не локальный характер, поскольку совпали с пожаром Староладожского поселения, появлением могильника в урочище Плакун и с появлением ранних курганов в Гнездовском и в Ярославских могильниках (Богуславский, Яблоник 1987: 26). В письменных источниках эти процессы нашли отражение в виде легенды о призвании варягов. Активизация движения по трансъевропейским путям и увеличение спроса на пушнину (Макаров 1989: 90–91) стимулировали появление в низовьях рек Паши и Ояти скандинавских поселенцев, как и в Городище выступавших в качестве посредников в меховой торговле Ладоги с местным населением. Их погребальный обряд стал одним из источников заимствования жителями Приладожья курганного способа захоронения. По всей вероятности, торговые операции вскоре приобрели несколько иной характер за счет создания в этих районах своего рода «факторий», концентрирующих к определенному времени большие партии товара, поскольку большинство торговых поездок скандинавов, в силу ряда причин, были сезонными (Херрман 1986: 89–101). Основную работу по сбору мехов у разбросанного населения выполняли, видимо, выходцы из местной среды, причем отнюдь не из родовой знати. Об их составе, роли и социальном статусе говорит, с одной стороны, практически полное отсутствие женских погребений этого периода, с другой — присутствие в погребальном наборе большого количества оружия, а также коней при полном отсутствии престижных изделий, таких, как мечи (Богуславский 1992а: рис 18, 19). Видимо, в этой среде и сложился своеобразный обряд погребения, объединявший местные и скандинавские традиции, и материальная культура, включавшая скандинавские вещи или поступившие при посредстве скандинавов, финские изделия и предметы массового производства ладожских ремесленников.

Погребальные памятники юго-восточного Приладожья периода 890–920-х гг. демонстрируют несколько большее разнообразие как в чертах материальной культуры, так и в обрядовых характеристиках. Характеризуя Ладожское поселение этого периода, в первую очередь следует отметить комплекс построек, связанных с хорошо сохранившимся обширным сооружением с печью в центре — самым крупным «большим домом» из сооружений этого типа, исследован-

ных в Ладоге. При строительстве «большого дома» широко использовались детали разобранного морского судна — корабельные доски и шангоуты. Некоторые данные, по мнению Е.А. Рябинина, позволяют интерпретировать исследованный комплекс в качестве жилища обосновавшейся в Ладоге купеческой артели. Возможно, именно такие дома северных торговцев-руссос, рассчитанные на 10–20 человек, наблюдал на берегах Волги в 921–922 гг. багдадский путешественник Ибн-Фадлан. Дендрохронологический анализ относит дату строительства этого объекта ко времени около 894 г. (Рябинин, Черных 1988: 93). Хотя Ладога и предстает в это время как поселение с весьма оживленными торговыми связями, увеличение относительного количества типов вещей, запаздывающих в Приладожье по отношению к Ладоге, говорит о снижении интенсивности связей между этими территориями (Boguslavskii 2005: fig. 3).

Таким образом, встает вопрос о роли, которую играли жители Приладожья в торговле Ладоги. Отражением этого, несомненно, являются привозные изделия. Ведущими среди них остаются вещи, связанные с кругом финских древностей, и вещи скандинавского происхождения или поступавшие на эти территории при посредстве скандинавов (Boguslavskii 2005: fig. 4). Последняя категория вещей становится более разнообразной, и количество ее представителей увеличивается более чем в два раза. В этом периоде известны самые ранние находки мечей, если не считать случайную находку меча у д. Бор. Однако, относительный вес этих вещей среди привозных изделий сокращается, возможно, за счет появления новой категории иноэтничных находок, а именно вещей, которые можно связать с территорией Подонья, и в частности, с салтово-маяцкой культурой. К 890–920-м гг. относится и первая монета, найденная в Приладожье — саманидский дирхем, дата чеканки которого определена только в рамках X в. Но динамику поступления монетных находок в какой-либо регион характеризует не только количество монет, найденных в погребениях определенного времени, но и даты чеканки всех найденных монет (Boguslavskii 2005: fig. 5). Анализ этих дат показывает, что в Приладожье существует серия монет, даты чеканки которых относятся к периоду 890–920-х гг., но их попадание в погребальные комплексы характеризуется определенным периодом запаздывания.

Значительный пласт привозных вещей в погребениях юго-восточного Приладожья делает весьма важной проблему выяснения непосредственного источника их попадания в этот район, поскольку значительное количество этих находок может быть связа-

но с функционированием трансевразийского пути. При изучении этих вопросов исследователи почти всегда обращаются к изучению кладов куфических монет. Отсутствие кладов IX — 70-х гг. X в. в юго-восточном Приладожье дало возможность Е.Н. Носову сделать вывод об отсутствии торговой магистрали, проходившей по рекам этого региона (Носов, 1981: 97). Но, с другой стороны, положения о существовании подобного пути достаточно часто появляются в различных работах. Эти положения опираются на отдельные сведения арабских авторов X—XIV вв. и на данные археологии (Голубева 1987: 52—64; Смирнов 1952: 225; Львова 1977: 106—109).

При изучении монетных находок Новгорода В.М. Потин обратил внимание на факт изменения времени запаздывания монет относительно даты чеканки в зависимости от интенсивности их поступления (Потин, 1982: 132). Однако приток монет на какую-либо территорию может происходить не только за счет существования магистрального торгового пути, но и за счет торговли непосредственно с каким-нибудь торговым центром: в случае Приладожья — с Ладогой. Окончательное решение вопросов о непосредственных источниках импортных вещей и монет в Приладожье связано, с одной стороны, с выявлением периода или периодов наиболее интенсивного их притока на основании периода запаздывания монетного серебра, с другой — с выявлением районов с одинаковой динамикой поступления монет. Как уже отмечалось, в юго-восточном Приладожье известны монеты, даты чеканки которых лежат между 890-ми и 920-ми гг., а именно, относятся к 900—910-м гг., но для них характерен определенный период запаздывания. Поскольку погребальные памятники нижнего Поволжья раскопаны фрагментарно, мы вынуждены оперировать материалами кладов. По данным младших монет, к этому периоду в волховском бассейне можно отнести два клада. Монеты из культурного слоя Новгорода и Ладоги, о которых мы имеем достаточно сведений, не относятся к 890—920-м гг. Но в слоях Староладожского поселения этого времени найдено значительное количество привозных изделий, однако изделия, связанные с Подоньем, не встречаются позднее 890-х гг.

Причины произошедших перемен до конца не ясны. Мы можем предположить только одну из наиболее вероятных, на наш взгляд, картин изменений. С одной стороны, они, видимо, связаны с подрывом посреднической торговли между Ладогой и Приладожьем. Причиной этого стало появление в Ладоге новых торговых организаций — своего рода купеческих артелей, что, возможно, отражается в постройке около 894 г. «большого дома». Коллективы,

жившие в этой постройке, продолжительное время имели возможность поддерживать непосредственные контакты с поставщиками пушнины и были заинтересованы в этих контактах. Об этом новом характере торговых отношений свидетельствует некоторое снижение интенсивности связей Ладоги с Приладожьем, выразившееся в увеличении процента запаздывающих типов вещей (Boguslavskii 2005: fig. 3) при общем возрастании количества привозных изделий. Непосредственный контакт с охотниками, добывающими шкуры, все же, по-видимому, остался в руках сформировавшейся ранее группы местных жителей в силу малой плотности местного населения. Прямой контакт с купцами привел к расширению круга этих людей. Об этом свидетельствует увеличение количества памятников (Boguslavskii 2005: fig. 2) и разнообразие их погребальных ритуалов, возможно, отражающее разноэтничность вовлеченного в эти процессы населения. Об изменениях социального статуса и состава этой группы говорит увеличение женских и парных — мужских и женских — погребений, а также появление в погребальном наборе престижных изделий — бронзовых ювелирных украшений, в первую очередь скандинавских, и парадного оружия (Богуславский 1992а: рис 18).

С другой стороны, произошедшие изменения связаны и с политическими событиями этого периода. Данные письменных источников позволяют отчетливо выделить тенденцию политики первых русских князей — установление контроля над торговыми путями. Это нашло отражение в известии о переходе Рюрика из Ладоги в Новгород, занимавший ключевое место в крайне важном регионе. За этим событием последовала серия походов русских князей и их дружинников на племена, расположенные в непосредственной близости от торговых путей. В этой же связи нужно упомянуть и сообщение летописи о раздаче Рюриком «градов своим мужам». Процесс контролирования торговых путей получил свое окончательное оформление в результате похода Олега на Киев в 882 г., когда под контроль были взяты все ключевые пункты торговой магистрали (ПВЛ 1916: 19–27). Подобный контроль, несомненно, должен был заставить торговцев искать новые пути, которые не контролировались. Событием, непосредственно подстегнувшим этот процесс, стало появление в 898 г. на Днепре венгерских племен (ПВЛ 1916: 25) и несомненно последовавший за этим, может и кратковременный, период прекращения функционирования пути. Видимо, период политической нестабильности объясняется и относительное замедление притока на Северо-Запад Руси куфического серебра, которое

отразилось в отсутствии кладов в Волховском и Ильменском бассейнах в 870–890-е гг. (Богуславский 1992: 51–52). Активизировали поиск новой трассы, видимо, арабские купцы после заключения договоров князя Олега с Византией, поставивших русских купцов в преимущественное положение на константинопольском рынке (ПВЛ 1916: 29–41). В это время имели место достаточно осторожные попытки прохода как по рекам юго-восточного Приладожья, так и по рекам Ильменского бассейна, причем контакты по Волхову были гораздо более оживленные, с выходом на традиционный донской путь (Ляпушкин 1963: 153). Таким образом, к самому концу рассматриваемого периода наметилась тенденция непосредственного включения юго-восточного Приладожья в систему трансевразийской торговли, о чем, возможно, свидетельствует появление курганных памятников в бассейне р. Сясь и новых категорий привозных изделий.

Период 920–950-х гг. можно охарактеризовать как время расцвета Приладожских курганов, когда количество памятников наибольшее (Boguslavskii 2005: fig. 2) и они крайне многообразны, а материальная культура представлена огромным количеством вещевых находок. На Ладожском поселении в этот период происходят весьма серьезные изменения, дата которых определяется на основе времени разборки пришедшего в негодность обширного сооружения с печью в центре, рассмотренного нами выше, и с возведением на его месте типологически сходного комплекса горизонта Д. Эти события датируются рубежом 920–930-х гг. (Рябинин, Черных 1988: 93–97). Однако, можно говорить об обособленном положении этой постройки в общей системе планировки уровня. Она не только резко отличается по размерам и конструкции от тесно расположенных и образующих регулярную структуру малых срубных жилищ с печью в углу, но характеризуется и иной ориентировкой, соответствующей направлению «большого дома» нижележащего горизонта. Более того, по всей вероятности, в непосредственной близости от нее располагался ремесленный квартал. В «большом доме», однако, не зафиксировано следов ремесленной деятельности. Внутри жилища и на настиле, связанном с ним, встречен ряд вещей, указывающих на высокий статус проживающих здесь людей. Но бусы здесь являлись относительно редкой находкой. По мнению Е.А. Рябининой, в этой постройке обитала группа людей, принадлежавшая к тому же социальному кругу, что и торговцы-воины, осевшие здесь в конце IX в. и связанные с международной торговлей (Рябинин, Черных 1988: 97–98). Однако период 920–950-х гг. характеризуется отсутствием

кладов куфического серебра на р. Волхове и в Ильменском бассейне (Богуславский 1992: 51–52). Также не известно достоверных находок монет, попавших в культурный слой Ладоги и Новгорода в этот период. Кроме того, возможно сделать несколько замечаний относительно истории поселений Поволховья. В нижнем Поволховье на рубеже 920–930-х гг. происходят значительные изменения, выразившиеся в резком уплотнении застройки Староладожского поселения, придании ей регулярного характера и создании укреплений (Кирпичников 1985: 25). На поселениях-спутниках, связанных исключительно с сопочными могильниками, почти нет раннегончарной керамики (Петренко, Шитова 1985: 191). Для верхнего Поволховья следует отметить, что существование таких поселений, как Рюриково городище и Холопий городок, несомненно, продолжается и в X в., но имеющаяся хронология не позволяет сделать выводы об их характере в 920–950-е гг. Немаловажно также, что в настоящее время в Новгороде не известно слоев, которые с уверенностью можно было бы отнести ко времени ранее середины X в. (Археология СССР 1985: 86). В то же время в погребениях юго-восточного Приладожья количество и разнообразие привозных вещей достигает максимума (Boguslavskii 2005: fig. 4). **В качестве категорий вещей, для которых можно с той или иной степенью установить источники поступления, необходимо отметить группу скандинавских изделий или поступивших при посредстве скандинавов, которая остается наиболее массовой; группу вещей, связанных с финским миром, для которой наметились тенденции расширения по сравнению с предшествующим периодом; сильно сократившуюся группу вещей, связанных с территорией Подонья; а также впервые появившиеся группы вещей, связанных с территорией Волжской Булгарии, Подунавья и Византии (Богуславский 1992а: 160–163).**

Количество монет в погребениях этого периода достаточно значительно, и для них характерен минимальный процент запаздывающих арабских монет (Boguslavskii 2005: fig. 6), **что отражает высокую интенсивность их поступления.** Кроме того, на период между 920-ми и 950-ми гг. приходится максимальное количество дат чеканки куфических монет. Видимо, большая часть арабского монетного серебра поступила в Приладожье именно в этот период, однако часть их использовалась значительный отрезок времени (Boguslavskii 2005: fig. 5). **Известно также несколько западноевропейских монет, отчеканенных в эти годы, но они были найдены в погребениях более позднего времени. Следует предположить, что они поступили в Приладожье с основной массой западноевропей-**

ского серебра и время их запаздывания отражает, скорее, время их использования в Западной Европе. Поскольку процент типов вещей, запаздывающих в Приладожье по отношению к Ладогe, достигает в это время практически максимальной величины (Boguslavskii 2005: fig. 3), следует предположить поступление привозных предметов в Приладожье большей частью не через Ладогоу.

Таким образом, период 920–950-х гг. можно рассматривать как период активного участия жителей Приладожья в трансевразийской торговле, трасса которой проходила по территории Приладожья (Богуславский 1992: 53–54). Это заключение основано на большом количестве и разнообразии привозных изделий, в том числе и болгарских, которые практически отсутствуют в это время в Ладогe, и на интенсивном притоке арабского серебра, в то время как в Поволховье и в бассейне Ильмена фиксируется его относительное замедление. Основное движение товаров в это время, видимо, связано с вновь образовавшейся волжской магистралью. Складывание пути по традиционному донскому варианту с выходом на северные реки Балтийского бассейна стало в начале X в. весьма трудным. Это объясняется проникновением в самом конце IX в. или в первом десятилетии X в. в степи Подонья и Приазовья печенежских племен, которые в 915 г. появились уже на границах Русского государства (Плетнева 1966: 65). Усиление в связи с этим роли волжского пути подтверждается постройкой на Волге между 920 и 930 гг. города Булгара и возникновением в 920-е гг. «трех групп Руси», которые локализуются Д.А. Мачинским также на волжском пути (Мачинский 1985: 8).

Изменение трассы движения предметов восточной торговли привело к сильным изменениям в регионе южного Приладожья. В первую очередь это отразилось на характере торговых связей. За счет формирования пути через земли юго-восточного Приладожья его жители получили возможность непосредственного контакта с купцами, двигавшимися по Волжскому пути, а также возможности его контроля. Предполагаемое увеличение спроса на пушнину и другие предметы восточной торговли привело к увеличению числа памятников в юго-восточном Приладожье и к большему их разнообразию. По всей вероятности, другим результатом повышения спроса на предметы восточной торговли стало расширение контактов приладожского населения с другими финскими племенами — основными поставщиками этих товаров, о чем говорит увеличение круга финских древностей. С новым характером торговли связано снижение интенсивности связей между Ладогой и Приладожеством,

что, возможно, отражает некоторую самостоятельность последнего. С новым характером контактов между частями региона, видимо, связан подрыв роли Сясьского городища как посредника в торговых операциях и его постепенное запустение. Не совсем ясными остаются обстоятельства появления в Приладожье вещей венгерско-дунайского круга. Вполне вероятно, что они связаны с реконструируемым Г.С. Лебедевым «круговым маршрутом» варяжских воинских контингентов, который наметился на рубеже IX–X вв. Этот маршрут, по его мнению, заключается в движении варягово-наемников через земли Руси в Византию, где они участвовали в боевых действиях против нее или на ее стороне против пограничных племен, отсюда на города мусульманского Закаспия с целью получения новой добычи и только после этого возвращение их на север по волжскому пути (Лебедев 1985: 252–255). В этом случае в связь с «круговым маршрутом» можно поставить и появление в Приладожье чисто скандинавского погребального комплекса, такого как погребение в ладье из кургана № 19 могильника Усть-Рыбижна.

В 950–980-е гг. погребальные комплексы появляются в целом ряде новых районов юго-восточного Приладожья, где они не были известны ранее (Boguslavskii 2005: fig. 2), и их обряд становится более разнообразным за счет черт христианской погребальной традиции (Богуславский, 1992а: 164–165). В погребениях этого времени, так же как и в предыдущее время, найдено значительное количество привозных изделий, однако их общее количество и разнообразие сокращается (Boguslavskii 2005: fig. 4). **Изменяется также и соотношение между различными пластами древностей.** Ведущим становится пласт вещей, связанный с финской культурной традицией. Количество скандинавских изделий сильно сокращается, и они становятся менее разнообразными. К 950–980-м гг. относится практически максимальное количество болгарских изделий и отдельные вещи венгерско-дунайского круга (Богуславский 1992а: 165–166).

Около 954 г. в Ладоге происходит достаточно сильный пожар, повредивший некоторые постройки, в том числе и уже рассмотренный комплекс сооружений, связанный с «большим домом». Однако вскоре после пожара он был обновлен, а также был перестроен бревенчатый настил к северу от этого сооружения, больше всего пострадавший при пожаре (Рябинин, Черных 1988: 96–97). С определенной долей условности можно говорить и об изменении характера некрополя Ладоги. К 950-м гг., видимо, прекращается совершение погребений в скандинавском могильнике в урочище

Плакун и появляются первые древнерусские захоронения (Богуславский 1992а: 167). Можно также говорить об интенсификации поступления куфического серебра в бассейн Волхова и Ильменя, о чем свидетельствует выпадение серии кладов с датами младших монет после 950-х гг. (Носов 1976: 105–106), а также о начале поступления западноевропейского серебра, которое фиксируется в Новгороде между 972 и 989 гг. Более того, само заселение территории современного Новгорода относится, по всей вероятности, ко времени около 950-х гг. (Археология СССР 1985: 86). Погребальные комплексы юго-восточного Приладожья рассматриваемого периода демонстрируют очень тесную связь с Ладогой. Об этом говорит самый низкий из известных процент типов вещей, запаздывающих по отношению к Ладоге (Boguslavskii 2005: fig. 3). Эта характеристика тем более показательна, что она изменяется от одного из самых высоких значений к самому низкому. С уверенностью можно говорить о снижении притока монетного серебра на территорию юго-восточного Приладожья, что основывается, с одной стороны, на возрастании почти в два раза относительного количества монет, которые запаздывают в погребальном наборе (Boguslavskii 2005: fig. 6); с другой стороны — на сокращении в несколько раз количества арабских монет, дату чеканки которых можно связать с рассматриваемым временем (Boguslavskii 2005: fig. 5). В 950–980-е гг. в Приладожье появляется новый тип монетных находок — византийские серебряные монеты, которые относительно малочисленны и, на наш взгляд, не связаны непосредственно с международной торговлей (Богуславский 1990: 59–61).

Рассматриваемый период, предположительно, связан с изменением трассы волжского пути и перемещением его северного участка в бассейн Волхова и Ильменя. Об этом свидетельствует понижение интенсивности поступления в юго-восточное Приладожье монетного серебра и привозных изделий, а также увеличение числа находок монет в Ильменском бассейне. Видимо, предметы, связанные с трансъевропейской торговлей, поступали в юго-восточное Приладожье опосредованно, то есть через Ладогу, отражением чего стало повышение интенсивности связей Приладожья со Староладожским поселением. Изменения, произошедшие на Северо-Западе Руси, по всей вероятности, стали результатом новой волны «северной политики» княжеской администрации, наступившей после 945 г. Эта политика связана, в основном, с необходимостью упрочения княжеской власти внутри племенных территорий. Эта задача во многом получила свое разрешение в ходе действий княгини Оль-

ги в 946–948 гг., когда на севере Руси были установлены погосты (ПВЛ 1916: 69). Письменные источники не упоминают об активных действиях Ольги в южном Приладожье, однако об определенных потрясениях свидетельствует пожар в Ладоге около 954 г. На севере находится и Святослав со своей дружиной, пребывание которого в Новгороде фиксирует Константин Багрянородный (Литаврин 1982: 272) в своем трактате «Об управлении империей», написанном между 948 и 950 гг. (Литаврин 1982: 267). Изменение трассы волжского пути, несомненно, привело к снижению товарооборота, связанного с трансъевразийской торговлей, и к потере юго-восточным Приладожьем возможности контроля пути. Кроме того, в это время произошло и общее уменьшение роли Волжской магистрали в связи североморских центров с исламским миром, о чем говорит резкое сокращение поступления восточных товаров в Скандинавию не позднее 970-х гг. Северные страны стали получать необходимое для торговых операций серебро из Западной Европы (Лебедев 1985: 117). Отражением этого, вероятно, является появление на Северо-Западе Руси первых западноевропейских монет. Эта ситуация привела, по всей вероятности, к высвобождению в юго-восточном Приладожье значительного количества вооруженных людей, что сделало возможным их участие в общерусских военных операциях. Косвенно об этом свидетельствует значительное сокращение, по сравнению с предыдущим периодом, количества погребений с оружием (Богуславский 1992а: рис. 18). С достаточной уверенностью можно говорить об участии выходцев из Приладожья в походах Владимира на Византию и Придунайские земли в 980-е гг. (ПВЛ, 1916: 103–140). Отражением этого участия стало появление в Приладожье византийских монет и вещей венгерско-дунайского круга. Другая группа событий, видимо, также относящаяся к периоду княжения Владимира, связана с проникновением в северорусские земли христианства, чему способствовало крещение Владимира и части его дружины во время похода на Корсунь. Это заключение основывается на предположении, что первыми предметами христианского культа стали, как ни странно, византийские монеты, центральным изображением которых был крест (Богуславский 1990: 61). В рамках этого же процесса произошло, видимо, и разрушение большой культовой постройки на Варяжской улице в Старой Ладоге. По мнению В.П. Петренко, оно имело место между 986 и 991 гг. (Петренко 1985: 113).

Для археологических памятников юго-восточного Приладожья 980–1020-х гг. характерно большое разнообразие погребальных па-

мятников. Однако, следует отметить значительное сокращение числа мужских погребений и по сравнению с женскими погребениями, и по сравнению с количеством мужских погребений предыдущего периода (Boguslavskii 2005: fig. 2; Богуславский 1992а: 170–171). Древности этого времени представлены в Ладоге крайне фрагментарно, что не позволяет говорить о характере поселения на Земляном городище. Если судить по материалам раскопок на левом берегу р. Ладожки, то плотность застройки поселения в это время достигает максимума и состоит из небольших срубных сооружений. Гибель этих построек, по мнению В.П. Петренко, произошла во время набега на Ладогу ярла Эйрика около 997 г. (Петренко 1985: 115). Поэтому тот факт, что относительное количество типов вещей, запаздывающих в Приладожье по сравнению с Ладогой, достигает максимума, отражает скорее не интенсивность связей Ладоги с юго-восточным Приладожьем, а малочисленность находок этого времени на Земляном городище (Boguslavskii 2005: fig. 3).

Привозные изделия в погребениях юго-восточного Приладожья этого времени становятся гораздо менее разнообразными, и их количество сильно уменьшается (Boguslavskii 2005: fig. 4). Самым массовым пластом древностей, которые с большими оговорками можно считать привозными лишь только на том основании, что производство изделий этого круга достоверно не зафиксировано в южном Приладожье, являются вещи, связанные с финским миром. Крайне малочисленны находки вещей, связанных с активностью скандинавов, и болгарские изделия. Однако, следует отметить, что последние представлены престижными изделиями, которые могли использоваться длительное время (Богуславский 1992а: 171–173). Монетные находки в погребальных комплексах 980–1020-х гг. в основном представлены западноевропейским серебром. Но говорить об его интенсивном притоке на земли юго-восточного Приладожья вряд ли возможно. С одной стороны, количество монет, дата чеканки которых относится к этому времени, не очень велико, что делает весьма вероятным поступление их в более позднее время вместе с основным потоком западноевропейского серебра (Boguslavskii 2005: fig. 5). С другой стороны, количество архаичных, запаздывающих монет в составе денежного обращения этого периода весьма велико (Boguslavskii 2005: fig. 6), что говорит о медленном его обновлении. Эти наблюдения подтверждаются на основе куфического серебра. В погребениях этого времени известна только одна арабская монета, достаточно быстро попавшая в состав погребального комплекса (Boguslavskii 2005: fig. 5). Для всего остального арабского серебра

характерен значительный период запаздывания (Boguslavskii 2005: fig. 6), который в одном случае превышает полвека.

Таким образом, можно предположить, что юго-восточное Приладожье оказывается в рассматриваемый период в стороне от международной торговли. Во многом, видимо, этому способствовала наметившаяся ее переориентация на Западную Европу, о чем свидетельствует поступление на Северо-Запад Руси западноевропейских монет. Эти процессы, а также увеличение экономической роли Новгорода в этом регионе, отражением чего стало широкое поступление в Приладожье серийных изделий новгородских ремесленников, привело к снижению количества ввозимых, но что представляется более важным, вывозимых товаров. Это высвободило новую группу приладожского населения, прежде связанного с международной торговлей. В то же время, а именно с 980-х гг., можно проследить отток воинских контингентов с Севера Руси. Значительная часть дружины Владимира формировалась в Новгороде и, видимо, отчасти ее составляли выходцы из Приладожья, тем более, что там в 950–980-е гг. существовала значительная прослойка мужчин, носивших оружие. В 988 г. начинается постройка крепостей в Южной Руси (ПВЛ 1916: 155–156), требовавшая постоянного притока новых воинов. В этом же году, при заключении мира с царем Василием и женитьбе на его сестре Анне, Владимир отправил шеститысячный отряд руссов в Византию, где после 980 г. организуется варяжский военный корпус (Рыдзевская 1978: 153, 218). Этот процесс, игравший, видимо, достаточно значительную роль для южного Приладожья, отразился почти в полном отсутствии в погребениях достоверных предметов вооружения. Отсутствие надежной защиты северных территорий позволило викингам совершить ряд набегов на территорию южного Приладожья. В 995–997 гг. норвежский ярл Эйрик, потерявший свой лен в борьбе с Олавом Норвежским, опираясь на поддержку Олава Шведского, совершил поход на Ладогу и северные земли (Рыдзевская 1978: 50–51). Возможно, отражением этого явился пожар, зафиксированный В.П. Петренко в раскопе на Варяжской улице, а также некоторое «смещение» погребальных памятников Приладожья в глубинные районы (Boguslavskii 2005: fig. 2). Дело брата на землях Приладожья продолжил в 1015 г. Свейн. Таким образом, видимо, не последнюю роль в сокращении связей Приладожья с другими территориями сыграла и нестабильная обстановка в этом регионе.

С периодом 1020–1070 гг. связано сокращение разнообразия обрядов погребения, что во многом связано с увеличением в пог-

ребальных памятниках черт христианской погребальной традиции (Богуславский 1992а: 173–174). Число изделий, характеризующих связи приладожского населения в этот период, достаточно невелико (Boguslavskii 2005: fig. 4). **В первую очередь это связано с массовым проникновением в Приладожье серийных изделий новгородских ремесленников, которые во многом вытеснили другие привозные предметы.** С другой стороны, выделить среди массовых вещей предметы, отражающие внешние связи юго-восточного Приладожья, без дополнительного анализа распространения их в Новгородской земле крайне трудно, а часто и невозможно. Из вещей, происхождение которых практически не вызывает сомнений, следует в первую очередь отметить огромный пласт финских древностей. Их количество в погребениях не сократилось, а удельный вес увеличился за счет сокращения количества других изделий. Вещи, связанные со Скандинавией, крайне немногочисленны, а византийские вещи представлены только находкой литого перстня с печаткой (Богуславский 1992а: 175).

Несмотря на сокращение круга привозных изделий, количество монет в погребениях остается значительным. В этом периоде встречены последние арабские монеты, все находки которых попадают в погребальные комплексы со значительным запаздыванием (Boguslavskii 2005: fig. 6). **Новые монеты из восточных стран в Приладожье, видимо, не поступали, поскольку здесь не известны дирхемы с датой чеканки после 1012 г.** Значительные изменения произошли в динамике поступления западноевропейского серебра, что выразилось в интенсификации его притока в Приладожье. Об этом свидетельствует, с одной стороны, уменьшение процента запаздывающих монет (Boguslavskii 2005: fig. 6), **который в это время минимален для всей истории региона, с другой стороны — максимальное количество западноевропейских монет, известных в юго-восточном Приладожье, отчеканено в различных центрах Западной Европы именно в период между 1020-ми и 1070-ми гг. (Boguslavskii 2005: fig. 5), что свидетельствует, видимо, о времени их поступления.** Однако, для понимания этого процесса крайне важна динамика поступления монетного серебра в Новгород. Согласно анализу этих находок, проведенному В.М. Потиним, интенсивность поступления монет из Западной Европы существенно увеличивается с 1025 г.; более того, для времени около 1025 г. средний период запаздывания монет составляет около 8,5 лет (Потин 1982: 130–131). Эти факты заставляют нас сделать вывод об опосредованном поступлении западноевропейского монетного серебра в юго-восточное Приладожье, видимо, через

Новгород, причем интенсивность связей Новгорода с юго-восточным Приладожьем была очень высока.

Видимо, возникшая в регионе южного Приладожья нестабильность весьма отрицательно сказывалась как на состоянии международной торговли, так и на самой безопасности Новгорода. Во многом попыткой ее устранения и удачным выходом из создавшегося положения стал династический брак между Ярославом Мудрым и дочерью Олава Шведского — Ингигерд в 1020 г. (Рыдзевская 1978: 67). Ладога и Приладожье были преподнесены Ингигерд в качестве свадебного дара и переданы в управление ее родственнику — гаутландскому ярлу Рагнвальду — стороннику Олава Норвежского (Рыдзевская 1945: 59). Таким образом, Ладожское ярлство превратилось в своеобразную буферную зону между Скандинавией и Русью. Как владения Ингигерд, эта зона была защищена от нападения шведов, а как лен Рагнвальда — от нападения норвежцев. О сходных целях при переустройстве Ладоги свидетельствует, по мнению А.Н. Кирпичникова, относящееся к близкому времени ускоренное создание укреплений (Кирпичников 1985: 25). Зависимость этой территории от Русского государства и княжеской власти проявилась как в увеличении экономического влияния Новгорода на эту территорию, так и в активном участии выходцев из Приладожья в жизни Новгородской земли. Это выразилось в участии Рагнвальда, а затем его сына Эйлифа с дружиной в военных походах Ярослава Мудрого и новгородцев (Рыдзевская 1945: 59–60). Таким образом, юго-восточное Приладожье в это время, оказавшись в стороне от магистрального пути трансъевропейской торговли, видимо, переориентировалось на посредническую торговлю между финскими племенами, о чем свидетельствует увеличение количества финских предметов и западноевропейских монет, поступавших через Новгород, занимавший более удачное положение на торговых путях. Это положение Приладожья и своеобразная внешнеполитическая ситуация, несомненно, сильно способствовали сближению его и Новгорода. Косвенным свидетельством о начавшегося процесса экономической переориентации юго-восточного Приладожья является незначительное количество серийных изделий XI в. в недендротированных слоях Земляного городища, в отличие от погребений юго-восточного Приладожья, и отсутствие достоверных следов их изготовления в Ладоге.

Погребальные комплексы после 1070-х гг. представлены в юго-восточном Приладожье достаточно близкими по своим обрядовым характеристикам памятниками. Эти памятники сходны со мно-

гими другими погребальными древностями Новгородской земли XI—XIII вв., получившими в археологической литературе название «древнерусские курганы», хотя и отличаются некоторым своеобразием. Количество вещей, свидетельствующих о связях приладожского населения в это время, значительно сокращается — более чем в два раза по сравнению с предыдущим периодом. Этот процесс отражает, видимо, не только процесс определенной изоляции юго-восточного Приладожья, но и общее сокращение числа изделий в погребальном инвентаре и увеличение количества «полиэтнических» предметов, являющихся продукцией новгородского городского ремесла. Единственной группой вещей, для которой с достаточной определенностью можно говорить об источнике их поступления, являются вещи, связанные с финскими древностями. Однако у нас нет возможности определить характер связей, в рамках которых произошло поступление этих вещей — носили они характер непосредственных торговых контактов выходцев с различных территорий или являлись только движением отдельных вещей через руки многих посредников.

Ослабление связей юго-восточного Приладожья выразилось и в динамике поступления монетного серебра. С одной стороны, количество монет, дата чеканки которых позже 1070 г., сокращается более чем в два раза по сравнению с предшествующим хронологическим отрезком (Boguslavskii 2005: fig. 5), **несмотря на то, что продолжительность рассматриваемого периода несоизмеримо больше, нежели предыдущего** — здесь известны и погребения XII—XIII вв. (Богуславский 1992: рис. 32). Кроме того, значительно возрастает количество монет, попадание которых в погребальные комплексы уверенно можно охарактеризовать определенным периодом запаздывания. Более того, поскольку хронология погребений описываемого периода определена весьма широкими рамками, период запаздывания, возможно, характерен и для остальных находок монет (Boguslavskii 2005: fig. 6). **Таким образом, приведенные наблюдения свидетельствуют о значительном снижении объема и интенсивности торговых связей юго-восточного Приладожья.** В то же время, активное поступление монет в Новгород продолжается, о чем говорит их значительное количество и сравнительно небольшой временной разрыв между датой чеканки монеты и временем ее попадания в культурный слой поселения (Потин 1982: 131—132).

Очевидно, что причины изменений, произошедших в юго-восточном Приладожье, невозможно решить в отрыве от изучения истории и материальной культуры Новгорода и Новгородской земли

в целом, что требует отдельного исследования. Однако, несомненно, что немалую роль в этих процессах сыграло изменение политических институтов власти Новгорода, связанное с оформлением посадничества. В.Л. Янин считает, что вслед за изменением институтов власти Новгорода произошло изъятие большого количества ремесленников из-под юрисдикции князя и переподчинение их вечевым порядкам, поскольку эксплуатация ремесла сделалась одним из важнейших источников боярских доходов (Янин 1982: 90–91). Видимо, вскоре за этим последовали действия новой администрации по защите своих торговых интересов и регламентации торговли. По крайней мере, можно утверждать, что к XII в. торговые связи Руси, в первую очередь Новгорода и Скандинавии, уже носили регламентированный характер (Джаксон 1991: 164–169). Изменение ситуации на новгородском рынке привело к упрочению ориентации Приладожья на посредническую торговлю с племенами Русского Севера, с которыми, вероятно, они имели давние налаженные контакты (Мачинский, Мачинская 1988: 53–56). Отражение этого процесса нам видится в появлении в Заволочье нескольких могильников, в первую очередь Корбальского могильника, материалы которых находят прямые аналогии в памятниках юго-восточного Приладожья второй половины XI в. (Назаренко и др. 1990: 93–101). Однако, следует заметить, что в это время можно достаточно определенно говорить и об общем движении новгородцев на Русский Север (Насонов 1951: 114–117). Достаточное своеобразие этим процессам в Приладожье придает наметившаяся с 1050-х гг. известная самостоятельность этого региона, которая могла быть получена после смерти Ингигерд в 1050 г. и Владимира в 1052 г. и упразднения самостоятельного «стола» в Новгороде. Немаловажную роль в политическом положении Приладожья играло и то, что в 1056–1066 гг. шведский престол занимал Стейнкель, сын ладожского ярла Рагнвальда (Мачинский, Мачинская 1988: 56).

Косвенно большую значимость новой специализации Приладожья подтверждают действия новгородской администрации в начале XII в., отразившиеся в походе Мстислава Владимировича в 1105 г. на Ладогу и в постройке ладожской каменной крепости в 1114–1116 гг. О серьезных потрясениях именно в Приладожье говорит выпадение в этом районе на рубеже XI–XII вв. серии кладов. Это группа лодейнопольских кладов, а также клады в бассейне р. Паши (Потин 1967, № 218–220, 228, 229). Эти находки, видимо, отражают не только нестабильность в регионе, но также и размеры богатств, сконцентрированных в это время в Приладожье за счет

участия в торговых операциях. С другой стороны, концентрация такой массы ценностей свидетельствует об отсутствии прямого выхода на крупные рынки и неучастии приладожского населения этого времени непосредственно в международной торговле.

Изложенные материалы позволяют, на мой взгляд, сделать заключение, что южное Приладожье, которое изначально включало нижнее Поволховье и юго-восточное Приладожье, являлось ядром историко-культурного образования, получившего в научной литературе название Ладожская земля. Вероятно, политические, экономические и культурные формы этого образования носили достаточно свободный характер, что позволяло в различные исторические периоды находить различные пути взаимодействия двух основных частей Ладожской земли. Кроме того, подобная форма объединения позволяла на ряде этапов вовлекать в него, возможно, на различных условиях, очень широкие регионы. Таким образом, границы, форма и характер этого имеющего европейское значение объединения могли меняться неоднократно, что обусловлено бурной историей региона. Конкретизация отдельных характеристик этого образования на различных этапах исторического развития может оказаться решающей в вопросах реконструкции основных исторических процессов, протекавших в Северной Руси и в Балтийском регионе в эпоху средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Аристе 1956. — *Аристе П.А.* Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956. С. 5–11.

Археология СССР 1985 — Археология СССР. Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985.

Богуславский 1989 — *Богуславский О.И.* Древнейший погребальный памятник юго-восточного Приладожья // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989. С. 30–32.

Богуславский 1990 — *Богуславский О.И.* О находках византийских монет в южном Приладожье // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1990. С. 59–61.

Богуславский 1991 — *Богуславский О.И.* К хронологии юго-восточного Приладожья IX–XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 99–114.

Богуславский 1992 — *Богуславский О.И.* Юго-восточное Приладожье и трансевразийские связи IX–XI вв. // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 44–68.

Богуславский 1992а — *Богуславский О.И.* Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации): Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. СПб., 1992.

Богуславский 2005 — *Богуславский О.И.* Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь (по результатам раскопок 1987–1999 гг.) // *Stratum plus*. 2003–2004. 2005. № 5. С. 171–243.

Богуславский, Яблоник 1987 — *Богуславский О.И., Яблоник Д.Л.* Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов // *История и археология Новгородской земли*. Новгород, 1987. С. 25.

Богуславский, Мачинская 1993 — *Богуславский О.И., Мачинская А.Д.* Сяское городище и поселение нижнего Поволховья (опыт сопоставления) // ПАВ. СПб., 1993. Вып. 6. С. 117–122.

Бранденбург 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья // МАР. № 18. СПб., 1895.

Булкин, Дубов, Лебедев 1978 — *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.

Голубева 1987. — *Голубева Л.А.* Весь // *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. М., 1987. С. 52–64.

Гурина 1961 — *Гурина Н.Н.* Древняя история северо-запада Европейской части СССР // МИА. № 87. Л., 1961. С. 55–59.

Давидан 1986 — *Давидан О.И.* Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII–IX вв. // АСЭ. 1986. № 27. С. 99–104.

Джаксон 1991 — *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // *Древнейшие государства на территории СССР*. М., 1991. С. 5–169.

Джаксон, Мачинский 1989 — *Джаксон Т.Н., Мачинский Д.А.* «Сага о Хальфдане, сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX–XI вв. // *Вопросы истории Европейского Севера*. Петрозаводск, 1989. С. 129–137.

Иордан 1960. — *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

Кирпичников 1985 — *Кирпичников А.Н.* 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // *Средневековая Ладога* Л.: С. 3–26.

Кирпичников 1979 — *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // *Славяне и Русь*. Киев, 1979. С. 92–106.

Кирпичников 1988 — *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // *Славяно-русские древности*. Вып. I. Л., 1988. С. 36–79.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Славяне и скандинавы в эпоху раннего средневековья. (Проблемы интеграции и периферизации культур) // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 1986. С. 160–162.

Кочкуркина 1973 — *Кочкуркина С.И.* Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.

Кочкуркина 1989 — *Кочкуркина С.И.* Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.

Куза 1975 — *Куза А.В.* Новгородская земля // *Древнерусские княжества X–XIII вв.* М., 1975. С. 145–152.

Кузьмин, Мачинская 1989 — *Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д.* Ладога и ее округа в VIII–X вв. // Тезисы докладов XI Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1989. С. 142–143.

Лебедев 1985 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Литаврин 1982 — *Литаврин Г.Г.* Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.

Львова 1977 — *Львова З.А.* К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X — нач. XI вв. в северные районы Восточной Европы // АСГЭ. 1977. № 18. С. 106—109.

Ляпушкин 1986 — *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. 1986. № 152.

Макаров 1989 — *Макаров Н.А.* Новгородская и Ростово-Суздальская колонизация в бассейне озер Белое и Лача по археологическим данным // СА. 1989. № 4. С. 80—102.

Мачинская 1989 — *Мачинская А.Д.* Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладogi // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989. С. 17—19.

Мачинский 1985 — *Мачинский Д.А.* Ростово-Суздальская Русь в X в и «три группы Руси» восточных авторов // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. С. 3—23.

Мачинский, Мачинская 1988 — *Мачинский Д.А., Мачинская А.Д.* Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 44—58.

Назаренко 1979 — *Назаренко В.А.* Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой // Славяне и Русь. Киев, 1979. С. 106—114.

Назаренко 1983 — *Назаренко В.А.* Погребальная обрядность Приладожской чуди. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Л., 1983.

Назаренко 1982 — *Назаренко В.А.* Норманны и появление курганов в Приладожье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 142—147.

Назаренко, Овсянников, Рябинин 1990 — *Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А.* Чудь заволоцкая // Финны в Европе XI—XV вв. Т. 2. М., 1990. С. 93—101.

Насонов 1951 — *Насонов А.Н.* Русская земля и образование Древнерусского государства. М., 1951.

Носов 1981 — *Носов Е.Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. 1981. № 164. С. 18—24.

Носов 1976 — *Носов Е.Н.* 1976. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII. С. 95—110.

ПВЛ 1916 — Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I.

Петренко, Шитова 1985 — *Петренко Б.П., Шитова Т.Б.* Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 181—191.

Петренко 1985 — *Петренко В.П.* Раскоп на Варяжской улице // Средневековая Ладога Л., 1985. С. 81—116.

Плетнева 1967 — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М., 1967.

Попов 1973 — *Попов А.И.* Названия народов СССР. Л., 1973.

Потин 1967 — *Потин В.М.* Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси // Тр. ГЭ. 1967. Т. IX. С. 94—123.

Потин 1982 — *Потин В.М.* Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 127—134.

Равдоникас 1924 — *Равдоникас В.И.* 1924. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин.

Равдоникас 1930 — *Равдоникас В.И.* Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии // Карелия. Ежегодник Карельского госуд. музея за 1928 г. Петрозаводск, 1930. С. 60–68.

Равдоникас 1934 — *Равдоникас В.И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // ИГАИМК. 1934. С. 94.

Рыдзевская 1945 — *Рыдзевская Е.А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 51–63.

Рыдзевская 1978 — *Рыдзевская Е.А.* «Россика» в исландских сагах // Древняя Русь и Скандинавия (IX–XIV вв.). М., 1978. С. 4–128.

Рябинин 1989 — *Рябинин Е.А.* Новые открытия в Старой Ладоге (Итоги раскопок на Земляном городище 1973–1875 гг.) // Средневековая Ладога. Л., 1989. С. 38–76.

Рябинин, Черных 1988 — *Рябинин Е.А., Черных Н.Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100.

Седов 1987 — *Седов В.В.* Прибалтийские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 12–13.

Смирнов 1952 — *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья // МИА. 1952. № 28.

Спицин 1895 — *Спицин А.А.* Дополнительные замечания // Курганы Южного Приладожья. МАР. 1895. Т. 18. С. 143–154.

Спицин 1914 — *Спицин А.А.* Русская историческая география. Пг., 1914.

Третьяков 1966 — *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

Тухтина 1976 — *Тухтина Н.В.* Этническая принадлежность погребенных в курганах юго-восточного Приладожья // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1976. С. 162–181.

Херрман 1986 — *Херрман И.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 8–128.

Шаскольский 1965 — *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.

Янин 1982 — *Янин В.Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. 1982. № 1 (II). С. 79–95.

Arbman 1937 — *Arbman H.* Sweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937.

Arbman 1955. — *Arbman H.* Svear i osterviking. Stockholm, 1955.

Arbman 1961 — *Arbman H.* The Vikings. London, 1961.

Arbman 1962 — *Arbman H.* Vikingarna. Stockholm, 1962.

Arbman 1962a — *Arbman H.* Sverige ock Ostern under vikingatiden // Sverige ock Europa under forntid ock medeltid. Stockholm. S. 68–82.

Arne 1914 — *Arne T.J.* La Suede et l'Orient. Upsala, 1914.

Arne 1917 — *Arne T.J.* Svenska vikingakolonier i Russland. Stockholm, 1917.

Boguslavskii 2005. — *Boguslavskii O.I.* International Trade and the Southern Ladoga Region // Russian History/History Russe. 2005. № 3–4. Fall-Winter. P. 313–339.

Raudonikas 1930 — *Raudonikas W.I.* Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930.

Stalsberg 1982 — *Stalsberg A.* 1982. Scandinavian relations with northwestern Russia during the Viking age (The archaeological evidence // *Baltic Studies*. Vol. 13. № 3. S. 267–295.

Stender-Petersen 1956 — *Stender-Petersen A.* Zur Rus Frage // *Varangica*. 1956. S. 76–89.

Stender-Petersen 1960 — *Stender-Petersen A.* Der älteste russische Stadt // *Historische Zeitschrift*. 1960. Bd. 91. H. 1. S. 3–18.

Stender-Petersen 1956a — *Stender-Petersen A.* Russian Studies // *Acta Jutlandica*. 1956. T. XXVIII. H. 2. S. 19–31.

Stender-Petersen 1959 — *Stender-Petersen A.* Runestaven fra Ladoga // *Kuml* (1958). 1959. S. 112–126.

Tallgren 1916 — *Tallgren A.M.* Fornsäker Fran Olonets pa Historiska Museum i Helsingfors // *FM*. 1916. XXVII. S. 24–35.

ЭЛИТАРНЫЕ МОГИЛЫ СТАРОЙ ЛАДОГИ НА ФОНЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Старая Ладога (один из крупнейших ранних городских, торговых центров Северной и Восточной Европы) главным образом известна широкому кругу исследователей археологическими открытиями, совершенными на Староладожском Земляном городище. Разнообразные и многочисленные находки из слоя Староладожского поселения характеризуют широкие торговые и культурные связи ее жителей, начиная с VIII в. Совершенно иной пласт материалов представляют погребальные памятники Старой Ладоги. Они указывают на конфессиональную, этническую, социальную жизнь раннесредневекового города. Традиционно считается, что различные по своему происхождению группировки ладожан практиковали разнообразные погребальные обряды. Среди них наибольшую известность получили сопки — огромные погребальные насыпи словен новгородских. Около 40 сопок окружают древнее ядро города на Волхове (Петренко 2004: 12–27; Кузьмин, Волковицкий 2001: 45). Эти монументальные, высокие погребальные насыпи, распространенные по всей территории Северо-Запада, включают Ладогу в общую зону расселения словен и напоминают о господствующей группе средневекового ладожского населения. Меньшую известность получили грунтовые и курганные могильники Ладоги. Например, остались за пределами широких обобщений: некрополь из курганов и грунтовых захоронений в урочище Победище, Никольский грунтовый некрополь, Успенский или Семеновский могильник, открытый на южной окраине Успенского монастыря, остатки погребений на Варяжской улице, древнейшее христианское кладбище у церкви Св. Климента, Алексеевский могильник на левом берегу речки Ладожки (Орлов 1941; 1956; 1960; Лебедев, Седых 1985: 17–24; Санкина, Козинцев 1995; Платонова 1997: 25–27; Кузьмин, Волковицкий 2001: 45–50). Они тянутся по краю высокой береговой террасы с севера на юг, окружая по периметру жилую застройку IX–XI вв. на Земляном городище и по берегам речки Ладожки.

Особенности топографии исследованных ладожских захоронений позволяют некоторым исследователям утверждать, что в X в. основная площадь городской застройки могла быть плотно стиснута обширными курганными могильниками. Подобная топографическая ситуация является характерной для большинства ранних городских центров Древней Руси и северных городов эпохи викингов. Огромные кладбища, которые начинались сразу же за домами горожан и занимали многие гектары территории, окружали в X столетии поселенческое ядро Пскова, Гнёздова, Киева, Чернигова, Шестовицы (Авдусин 1999: 7–11; Ширинский 1999: рис. 15; Коваленко 2003: 54–58, рис. 1–2). В отечественной историографии подобный тип могильников IX–X вв. **традиционно именуют «дружинными»**. Этим, не совсем удачным, термином исследователи попытались передать своеобразие первых раннегородских могильников, выделить их на фоне традиционных, повторяющихся обрядов местного населения Восточной Европы, отделить их хронологически от древнерусских памятников XI–XII вв. **Состав инвентаря, погребальные традиции и топография древнерусских «дружинных» могильников** указывают на североевропейский, скандинавский характер их связей. Не только структура и состав находок Староладожского поселения эпохи викингов, но и структура могильника ставит Ладогу в один ряд с такими первыми городами Балтики, как Бирка, Хедебю, Рибе, Скрингиссаль, Сигтуна, Гросс-Штротмкндорф/Рерик.

Раннегородские кладбища эпохи викингов отличает сложно-составная структура некрополя, когда единое могильное пространство состоит из нескольких групп захоронений. Часто доминантами могильных групп становятся или «большие» курганы, или наиболее «пышные» захоронения, расположенные на возвышенностях. На фоне сельских некрополей эти могильники выделяются высоким процентом труположений, большим разнообразием погребальных обрядов и инвентаря внутри каждой части некрополя. Вероятно, можно дискутировать о пороговом числе могил, которые отличают городской Некрополь от сельского, но все вышеуказанные факторы и десятки исследованных захоронений позволяют нам рассматривать Ладожский некрополь на фоне остальных раннегородских могильников эпохи викингов, и применять к нему те же закономерности и аналогии.

К нашему большому сожалению, значительная часть курганных и грунтовых захоронений Староладожского некрополя оказалась недоступна для исследований. До нашего времени почти не сохранилось обширных нетронутых площадей по которым мы

могли бы судить о его внутренней структуре и хронологии. Среди прочих лучше всего оказалась изучена группа в урочище Плакун. Могильник располагался на правом берегу Волхова, напротив Староладожской крепости на краю деревни Черनावино (Корзухина 1971; Назаренко 1985; Михайлов 2002). На мой взгляд, хронология, топография и состав этого небольшого курганного могильника в миниатюре повторяет структуру, характерную для городского некрополя эпохи викингов.

Могильник расположен на краю первой береговой террасы Волхова, которая подвержена частым паводкам и не очень удобна для возведения жилых построек. В подобной ситуации существовали многие ранние городские кладбища этого времени. По-видимому, их преднамеренно выносили на неудобные для жилой застройки, но близки к ней участки. Курганы могильника Плакун были вытянуты с юга на север между берегом Волхова и откосом второй террасы. Доминантой этой группы следует считать большой курган, который возвышался к югу от небольших насыпей могильника. Исследования Е.Н. Носова продемонстрировали, что большой или, как его называли, «сопковидный» курган являлся одним из самых ранних и самых пышных в группе (Носов 1985: 147–155). Следует признать, что структура могильника ориентировалась именно на этот курган, как на доминанту этого участка¹.

Исследователи Плакуна отмечают, что среди обрядов захоронения в могильнике господствовали захоронения по обряду сожжения. Судя по находкам железных заклепок, это были сожжения в ладьях или в небольших лодках. Подобный обряд в эпоху викингов был характерен для территории Средней Швеции. На фоне сожженных в ладье выделяются три отличных от них типа погребений: ингумация в кургане № 11, сожжения в теле большого кургана и ингумация на вершине большого кургана. Две ингумации относятся к типу погребальных камер, или *chamber-graves*. **В отличие от прочих** типов труположений, камеры сооружали в обширных могильных ямах, где строители возводили стены и пол. Над сооружением возводилась деревянная крыша, которая препятствовала засыпанию ямы землей. В пустое пространство, рядом с телом покойника, укладывали сопровождающий инвентарь. Камера из кургана № 11 имеет дендродату в интервале 880–900 гг. Это делает ее одним из самых ранних захоронений данного типа не только на территории

¹ Отнесение к этой группе курганов одиночного кургана (а точнее сопки), отстоящего от могильника Плакун более чем на 300 м к югу по берегу Волхова, маловероятно (прим. ред.).

Древней Руси, но и в Скандинавии. Особенности обряда и датировка камеры сближают ее с аналогичными погребальными камерами из некрополя датского города Хедебю (Михайлов 1996: 52–58). Такие исследователи, как Я.П. Ламм, Х. Арбан, М. Мюллер-Вилле, Н. Рингстед, С. Айзеншмидт считают, что обряд захоронения в камерах принадлежит элите скандинавского общества эпохи викингов. Следует отметить, что этот погребальный обряд появился и преимущественно использовался в городских могильниках. В Дании в X в. в погребальных камерах хоронили представителей датского королевского рода, что, скорее всего, подтверждает элитарный характер обряда (Михайлов 1996: 57; Krogh 1982). Второе погребение в камере обнаружили на вершине большого «сопковидного» кургана. Остатки инвентаря, наличие предметов из набора вооружения и снаряжения всадника, скелеты двух лошадей подтверждают принадлежность захоронения к камерам (Михайлов 1997: 105–112). Многочисленные аналогии данному захоронению открыты в могильниках Бирка, Гнёздово, Шестовицы и Тимерево, где они датируются второй — третьей четвертью X в. (Михайлов 1997: 113–114).

Наличие погребальных камер и большого кургана с признаками скандинавских похоронных ритуалов заставляют говорить о могильнике Плакун как о составной части Староладожского некрополя. Близкие аналогии подобной топографии обнаружены в Гнёздово, где курганы Днепровской, Левобережной и некоторых других курганных групп вели свое начало от больших курганных насыпей.

Можно предполагать, что аналогичные по своему составу курганные группы, в которые входили курганы с сожжениями, большие курганы и погребальные камеры, существовали и в других частях Староладожского некрополя эпохи викингов. На такую возможность косвенно указывают находки отдельных предметов женского скандинавского костюма за пределами жилой зоны поселка. Например, овальные фибулы, равноплечные и круглые скандинавские фибулы находили к югу от Земляного городища и в районе урочища Победище (Кузьмин, Волковицкий 2001: 50; Михайлов 2003).

Первая овальная фибула, скорее всего, поступила из сборов на Земляном городище, подаренных Н.И. Репникову в 1904 г. (Гос. Эрмитаж, ОАВЕС, № 1005\26). С.Л. Кузьмин считает, что из сборов 1904 г. происходила пара фибул. Эту находку отличает прекрасная сохранность, хорошее качество отливки и отличная сохранность позолоты на поверхности фибулы. Сохранилась только верхняя, орнаментированная крышка фибулы, которая, по своим деталям